

Научная статья с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-21-108-154>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Из воспоминаний Л.Я. Гуревич о журнале «Северный вестник» Статья вторая

© 2021, М.М. Павлова

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия

Приложение: Л.Я. Гуревич. Письмо Я.Г. Гуревичу
Публикация А.Л. Соболева

Аннотация: Исключительное значение для раннего этапа русского символизма имел журнал «Северный вестник», вокруг которого в последние годы XIX в. группировались относительно молодые петербургские писатели — А. Волынский, Н. Минский, Д. Мережковский и З. Гиппиус, Ф. Сологуб. Данная статья продолжает начатую ранее публикацию новых материалов из архива издательницы (с 1891 г.) «Северного вестника», Любови Гуревич. Представлены два документа из фондов РГАЛИ и Рукописного отдела ИРЛИ РАН — «Милые воспоминания» и записка о реорганизации журнала (1897–1898). Они являются своеобразной фактографической основой и дополнением к ее очерку «Символизм 90-х гг. и журнал “Северный вестник”» (напечатан в статье первой: Литературный факт. 2021. № 1 (19)). Гуревич рассказывает о материальных, цензурных, организационных трудностях ведения журнала, о непростых отношениях в кружке его авторов и редакторов. В приложении помещено письмо 1891 г. Л.Я. Гуревич к отцу с признанием, что «больше всего на свете» ее влечет журналистика и литературная работа, и просьбой помочь деньгами, чтобы выкупить терпящий крах журнал и самой стать издательницей «Северного вестника». Вводимые в научный оборот документы позволяют расширить круг источников для изучения истории журналистики и раннего русского модернизма.

Ключевые слова: журнал «Северный вестник», Л.Я. Гуревич, русская литература рубежа XIX–XX вв., воспоминания писателей, архивные материалы.

Информация об авторе: Маргарита Михайловна Павлова — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0500-6113>. E-mail: mmpavlova@gmail.com.

Для цитирования: Павлова М.М. Из воспоминаний Л.Я. Гуревич о журнале «Северный вестник». Статья вторая // Литературный факт. 2021. № 3 (21). С. 108–154. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-21-108-154>

Данная публикация является продолжением работы, начатой совместно с Н.А. Богомоловым. См.: [9].

«Милые воспоминания» (1898) принадлежат к обширному корпусу неизданных мемуарных и дневниковых текстов Л.Я. Гуревич 1880–1890-х гг.¹ (свое название тетрадь получила по золоченому оттиску на кожаном переплете: “Liebe Erinnerungen”). По содержанию и эмоциональному напряжению этот текст мало отличается от аналогичных, по большей части отрывочных, спонтанных мемуарных записей, рассыпанных в ее ранних дневниках и интимных письмах. Все они прямо или опосредованно соотносятся с центральным сюжетом ранней биографии автора — изданием «Северного вестника» (1891–1898), предпринятым совместно с А.Л. Волыньским, и уже по этой причине заслуживают внимания.

Особая ценность «Милых воспоминаний» видится в том, что они позволяют взглянуть на хорошо известные историкам литературы события с непривычного ракурса, изменить исследовательскую оптику, сложившуюся в классических трудах Д.Е. Максимова и П.В. Куприяновского, — в новом освещении представить фигуру Л.Я. Гуревич, долгое время остававшуюся в тени ее ближайших соратников.

Эстетические взгляды и литературные приоритеты юной, едва оперившейся издательницы «Северного вестника» (в год покупки журнала на паях ей было 23 года) складывались под влиянием ее старших друзей — Н.М. Минского² и А.Л. Волыньского, с которыми она познакомилась и сблизилась в 1887 г. в салоне А.А. Давыдовой. Именно Волыньский сформировал ее отношение к Н.К. Михайловскому и либерально-народнической критике, с одной стороны, с другой — интерес к новым течениям современной литературы и ее творцам (русским Modernen, как она их называла: [11]).

Став полноправной издательницей «Северного вестника», Гуревич предоставила журнал символистам, однако держалась с ними отстраненно и настороженно, по существу оставаясь их внутренним оппонентом в сфере художественных исканий, нередко осуждая за

¹ РГАЛИ. Ф. 131. Оп. 1. Ед. хр. 27–32.

² В конце 1880-х гг. Н.М. Минский ухаживал за Гуревич, добиваясь ее взаимности, его письма к ней: РГАЛИ. Ф. 131. Оп. 1. Ед. хр. 153.

неприемлемое или экстравагантное, с ее точки зрения, литературное и бытовое поведение. (По позднему меткому определению Волынского: «Она была в волне, но не была ее составной частью» [3, с. 249–250]³). Характеристики и портреты «декадентов» — Н. Минского, З. Гиппиус, Д. Мережковского, Ф. Сологуба, известные из писем Гуревич к Э.И. Мешингу (1898)⁴ и др., по сути нелюбимы — в духе А.М. Скабичевского («больные герои большой литературы»⁵).

В свете отмеченной особенности «Милые воспоминания» во многих отношениях текст неожиданный, саморазоблачающий. Гуревич раскрывается здесь как колоритная фигура *fin de siècle*, с характерными для декадентского сознания комплексами и настроениями — стремлением к болезни и смерти, смакованием собственных жертв и страданий и т. п. («...я постоянно говорила в дневниках о тоске, о тревоге, об отчаянии»; «Я очень болела в то время, проклинала свою судьбу, бросалась на пол от какого-то бессильного бешенства»; «...заботы о завтрашнем дне — сломили меня, собственно, еще в 1895 г. Я заболела опять, остро, мучительно» и т. д.). Увлечение Гуревич личностью Марии Башкирцевой — одной из предтеч русских декадентов, которой она посвятила свою первую литературную работу и затем печатала ее дневники на страницах «Северного вестника», в этой связи представляется фактом не случайным.

Мемуарные записи и ранние дневники Гуревич не оставляют сомнений, что, несмотря на респектабельный биографический «претекст» (отец — известный педагог, профессор, общественный деятель; интеллигентная высококультурная состоятельная семья), она была плоть от плоти своего века, человеком пограничного сознания («Я систематически изводила себя, приближая себя к смерти...»; «Всю мою жизнь смерть казалась мне божественным убежищем и весь вопрос сводился только к тому, каким путем лучше идти к ней»⁶). Возможно, еще и по этой причине ее «Северный вестник» стал пристанищем в сущности чрезвычайно близких ей по мироощущению русских *Modernene*.

Изложенная Гуревич в «Милых воспоминаниях» история завоевания журнала и его издания в чрезвычайных обстоятельствах

³ Впервые: Жизнь искусства. 1924. № 6 (930). С. 17–19.

⁴ Письма Л.Я. Гуревич к ее близкому другу Эдгару Ивановичу Мешингу (РГАЛИ. Ф. 131. Оп. 1. Ед. хр. 55–63) готовятся нами к публикации.

⁵ Скабичевский А. Больные герои большой литературы // Новое слово. 1897. Январь. С. 156–157.

⁶ РГАЛИ. Ф. 131. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 19 об. (запись датирована: 1889 г.); Л. 75 (запись датирована: Осень 1898 г.).

(долговая яма, постоянно грозящий суд, невыполнение финансовых обязательств, просроченные векселя, скандалы с обманутыми кредиторами, авторами и сотрудниками, которым хронически не выплачивались гонорары и жалованье, разрыв отношений с родными и близкими и т. п.), и в то же время настойчивое желание во что бы то ни стало любой ценой продолжать «Северный вестник», воспринимается под знаком болезни, маниакальной одержимости, *idée fixe* («Если я не спасу “Северный Вестник”, я застрелю себя, как собаку, из презрения к себе»⁷).

Объясняя финансовую катастрофу с журналом, она не отрицает, что была инфантильна и не подготовлена к взятой на себя миссии: «Это было фантастично и забавно, как я теперь вижу, п<отому> ч<то> мне было 24 года, я была до того не солидна на вид, что приходящие в редакцию люди хохотали над такой издательницей. И в векселях я понимала столько же, сколько Нора Ибсена. А через полгода меня уже потащили в третейский суд со скандалом на весь Спб., чтобы решить — оставить ли журнал за мною. По счастью, — решили, что я права и оставили. Мне было трудно все это, п<отому> ч<то> вся практическая сторона дела лежала на мне одной и у меня не было ни одного “советника”. Вольтинский — малое дитя во всех жизненных вопросах»⁸; «Я не понимаю теперь, почему мы не просили “взрослых” людей, к которым имели доступ, чтобы нам хоть помогли найти людей. Мы жаловались окружающим, но, право, никто не делал попытки в то время помочь нам именно в этом отношении»; об отце: «Не могу понять, каким образом допустил меня до этой детской глупости — написать один вексель на 15.000 руб.» и т. д.

Однако основной тон авторской рефлексии — сосредоточенность на своей жертвенности, мученичестве, которое оборачивается эстетизацией страдания. В очерке «Запоздалая друидесса» (1923) Вольтинский вспоминал: «Гуревич ощущалась патетической весталкой в хаосе начинающегося большого литературно-общественного движения. <...> Для меня было ясно с самого начала, что в ней созрела мученическая тенденция, в которой так нуждалась переходная база литературы» [3, с. 19]⁹.

⁷ РГАЛИ. Ф. 131. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 65.

⁸ Письмо Э.И. Мешингу от 23 марта 1898 г.: РГАЛИ. Ф. 131. Оп. 1. Ед. хр. 55.

⁹ В первой статье этого цикла — «Амуретки и друидессы» — А. Вольтинский излагает оригинальную теорию женских типов, оперируя двумя терминами: 1) друидесса — производное от: друиды (жрецы у др. кельтов), у него — с акцентом на боевое предназначение и готовность к подвигу; 2) амуретка — от *франц.* amour, т. е. — жрица любви.

Она совершенно сознательно подчеркивает, что ради продолжения «Северного вестника» ей приходилось поступаться непреложными для нее ценностями — доверием отца, честью семьи, всем, что ей дорого, в том числе своей репутацией, совершая действия, никак не согласующиеся с общепринятыми представлениями о нравственности: «С первых же дней я стала искать и просить денег. Я была в безмерном ужасе от той уголовщины, на которую я попала. <...> Все знакомые, все родные, все ужасались на мои поступки. Когда я просила в долг, я про себя клялась, что застрелюсь, если окажусь бесчестной, если обману доверие. Эти клятвы и теперь тяготят надо мною... Когда я шла просить в долг, я перед тем не спала ночь и часто отчаянно плакала. Я шла на это, к<a>к на пытку. Пайщики распустили слухи, что я их обокрала. Это был скандал на весь город. <...> Когда, запутываясь в долгах, я перестала быть аккуратной в возврате денег, в уплате гонораров — а это началось уже в 1893 г., — половина моей изобретательности уходила на то, чтобы придумать способ объяснения с кредиторами и сотрудниками» и т. д.

Нельзя не отметить, что в «Милых воспоминаниях» Гуревич тактично обошла молчанием один из важных мотивов своего девиантного поведения, о котором подробно рассказывает в параллельных записях — дневниках 1887–1890-х гг.¹⁰ «Северный вестник» завоевывался ею не только для самоутверждения на издательском поприще, с целью эмансипации, но прежде всего для Волынского, занимавшего в ту пору все ее мысли и чувства («Жизнь моя вдали от него совсем не жизнь <...> душа моя прикипела к его душе и не умеет больше жить отдельно жизнью»; «Мне опять начинает казаться, что лучше все сказать его жене и порвать эту фальшь»; «Да, я люблю его *страстно, страстно*, и всю силу своей любви напрягла и употребляю на то, чтобы между нами не пробежало электрического тока» и т. д.¹¹).

В их взаимоотношениях, установившихся по обоюдному согласию, просматривается модель эротического поведения, которая стала знаковой в жизнетворческих установках символистов, а возможно, и предопределила их: девственный брак, отказ от прокреации, аскеза, сублимация эротического чувства в творческой деятельности. Эта тема, в частности, обсуждается в дневниках Гуревич и в ее переписке с Волынским¹².

¹⁰ См.: РГАЛИ. Ф. 131. Оп. 1. Ед. хр. 28, 32.

¹¹ РГАЛИ. Ф. 131. Оп. 1. Ед. хр. 32. Л. 37 (запись 3 окт. 1888).

¹² Письма А.Л. Волынского к Л.Я. Гуревич (1887–1898): РГАЛИ. Ф. 131. Оп. 1. Ед. хр. 104–107. Письма Л.Я. Гуревич к А.Л. Волынскому (1887–1922): РГАЛИ. Ф. 95. Оп. 2. Ед. хр. 4.

С самого начала журнал воспринимался ими как их общее детище, символ духовного единения. Всякий раз, когда из-за отсутствия средств будущее «Северного вестника» оказывалось под ударом, Гуревич впадала в отчаянье, готовилась покончить счеты с жизнью, потерять журнал означало для нее потерять Волынского.

В один из первых финансовых кризисов, который постиг их в конце 1892 г., она писала в дневнике: «Единственное утешение, которое есть в моей жизни, состоит в том, что я умру раньше моего друга и что моя смерть принесет мне то, чего не дает, уже не даст мне моя жизнь: слияние с этой дорогой, обожаемой мною душою, кот<орая> и теперь все кажется мне каким-то источником света божественной мудрости и радости. Прежде в самые тяжелые минуты, при всех ударах, я надеялась на то, что завоюю эту гордую душу силою своей упорной, бесконечной и светлой любви, своей преданности, своей готовностью переделывать себя, своей склонностью стремиться вон из этой грубой ужасной жизни. Так прошло много лет, во время которых я пережила все страдания женщины, все возможные удары судьбы. И я не изменила этому чувству. Но надежду на единение душ, веру в эту духовную любовь, соединяющую два существа на все времена — этого больше нет. Вместо жизненного исхода я жду только смерть, и мне кажется, что только эта спасительница — если она только придет уж не слишком скоро, если только я успею с честью выбраться и вывести на дорогу это дело, — только смерть моя примирит и сольет наши души, разлученные всем, что образуется жизнью и ее ужасными условиями. У меня не было бы и этого утешенья, если б я думала, что *моя* любовь не может быть бесплодной, что рано или поздно, именно тогда, когда я буду далеко от него, все, что отравило нашу дружбу, вся эта ужасная проза жизни, котор<ая> душит, и может быть совсем задушит меня — отойдет, когда, когда не будут чувствоваться мои недостатки, мои нелепости и останется только память о моей душе и моих больших страданиях. Все, что я пишу, могло бы быть названо сентиментальным, если бы мои душевные страдания не дошли до высшей степени, если бы я не чувствовала себя одинокою, униженною, пришибленною, если бы не накопилось в душе моей целое море горечи. <...>

Когда я задаю себе вопрос, не сделала ли я ошибки и в чем состояла моя ошибка, когда я боролась за это дело, кот<орое> с самого начала представляло все признаки ужасного кошмара, я могу сказать, что знаю за собой только одну ошибку: я твердо рассчитывала, что все это дело, во всех его сторонах, будет делаться совместно с моим дорогим другом, что я никогда не почувствую себя одинокой, —

и в этом я ошиблась. Именно в том, в чем я так ужасно, так мучительно ищу поддержки — просто дружеского разговора, ободрения, доброго слова, — именно в те часы, когда я падаю под бременем своего креста, теперь, в этом году, никто не протягивает мне руку. Мой друг... я не знаю, почему он так мало оказывает мне поддержки. Клянусь перед Богом, что не обвиняю его, говоря это, что напротив — всеми силами души стараюсь понять его или даже просто опровергнуть это в своих собственных глазах — в этом году, с осени я не ощущаю в нем никакой поддержки. Есть вещи, кот<орые> немилосердно режут мне и нервы и сердце и от кот<орых> оно *не хочет* освободиться. Есть минуты, когда всякая шутка является настоящим *нервным оскорблением*. Сегодня я говорила о нашем трагическом положении. Оно в самом деле бесконечно трагично, и я имею мало надежды на спасенье. *Только чудо могло бы* спасти нас: подъем подписки на две тысячи сразу. Все остальное есть продолжение этой же нестерпимой пытки с гибелью в конце. Вот цифры, в кот<орых> я себя не обманываю. Вот мои долги, из кот<орых> надо отдать из подписки это наступающего года. Тут все ясно <...>.

Все эти долги я должна отдать в течение декабря и января по условию, кроме того, что нужно платить по 5000 за декабрь, январ<скую> и февр<альскую> книжки, а этих денег в самом лучшем случае вовсе не будет. Следовательно — нужно чудо, чтобы спастись. Ведь это же так ясно и так ужасно. Я говорила это вслух, б<ыть> может с излишнею горячностью, п<отому> ч<то>, право, мне нечеловечески больно видеть какое-то полу детское отношение к нашему положению со стороны людей, вся жизнь которых зависит от существования этого журнала. Я говорила это со своей надоедливой манерой впасть в пафос... А.Л. вдруг засмеялся. Это оцарапало меня. Я спросила, почему он смеется. Он сказал: из контраста к моему трагизму... Я не поняла этого»¹³.

Подобных записей в дневниках Гуревич немало. Вместе с финансовыми проблемами она переживала постепенное отдаление Волынского (его романтическое увлечение З. Гиппиус в 1895–1897 гг.¹⁴, поездку вместе с Мережковскими в Италию в весной 1896 г.¹⁵). При этом авторитет Волынского оставался для нее непререкаемым, она сознавала, что издаваемый ею «Северный вестник» состоялся и при-

¹³ РГАЛИ. Ф. 131. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 58–60 об.

¹⁴ См. об этом в интимном дневнике Гиппиус «Contes d'amour»: [4, т. 1, с. 51–60]; см. также: [14; 10].

¹⁵ Подробнее о совместном с Мережковскими путешествии в Италию в феврале–мае 1896 г. см.: [13, с. 193–194].

обрел «свое» лицо исключительно благодаря его руководству и их духовному союзу.

Попытка Гуревич реанимировать журнал в конце 1897 г. оказалась несостоятельной не только по причине накопившихся на журнале колоссальных долгов, но, главным образом, в связи с утратой интереса к изданию со стороны Волынского, справедливо полагавшего, что «Северный вестник» выполнил свою историческую миссию.

После его отдаления Гуревич совершенно потерялась, о чем свидетельствует составленный ею план реорганизации журнала. Если бы таковой осуществился (см. публикуемый текст ниже), то ее / их «Северный вестник» утратил бы свой единственный для своего времени облик, превратился в еще одну площадку, очевидно вторичную, для постоянных авторов «Мира Божьего» и «Русского богатства», которые в период подъема «Северного вестника» (1894–1896) постепенно были вытеснены из него или ушли сами.

Текст с условным названием «Милые воспоминания» печатается по автографу: РГАЛИ. Ф. 131. Оп. 1. Ед. хр. 33; орфография и пунктуация приведены к современной норме. Черновой автограф плана реорганизации «Северного вестника» (без заглавия и без окончания, датируется по содержанию 1897 г.) публикуется по автографу: ИРЛИ. № 20247.

Л.Я. Гуревич
«МИЛЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ»

Самые «милые», единственно милые мои воспоминания — это все, что связано с моим многострадальным издательством. Как это ни странно, как это ни мало понятно мне самой, но все, с кем мне приходилось быть искренней, знают, что никогда никакое воспоминание ни из детства, ни из ранней юности не было для меня милым, отрадным. Быть может, самый склад моей натуры обуславливал это. Я была серьезным и грустным ребенком, глубоко религиозным, с верою в свое будущее и с убеждением, что моя жизнь будет и должна быть тяжелой. Все мои дневники, которые я писала с 12 лет и которые писала как раз до начала моего издательства, все они проникнуты полным и глубоким убеждением, что я чем-то буду, что судьба моя будет необыкновенна, и непохожа на участь других людей и непременно тяжела. За последние годы, соприкасаясь случайно со старыми моими «документами» и проглядывая их, я бывала иногда поражена однообразием и упорством моих детских и юношеских настроений. Все внешнее было к<a>к следует, к<a>к у других. Жизнь была даже исключительно благоприятная, обеспеченная, беззаботная, даже одно время очень веселая. Меня любили и баловали все подружки. Бывало весело. Я шалила, танцевала, обращала на себя внимание молодых людей, кокетничала с ними, увлекалась детскою любовью, невинною и радостною, — и наряду с описанием вечеров, успехов, шалостей, попеременно с ними, я постоянно говорила в дневниках о тоске, о тревоге, об отчаянии. В одной тетради, писанной в VII классе гимназии, описав подробно вечер, в котором я плясала до 7 ч. утра, я заканчивала: «я танцевала всю ночь, но не нахожу себе места от тоски и тревоги: я не знаю, *чем* я буду...».

Я примеривалась мысленно ко всему — меня учили музыке, рисованию, в 13 лет я сочиняла глупые повести. Но все это не удовлетворяло меня в воображении. Я бросила музыку, рисование, перестала писать. Хотела быть анархисткой! — Но и это не удовлетворяло. И во всех дневниках одно и то же: тревога, тоска до болезни, искание *дела*. Я много училась и читала, на курсах я считалась одною из самых блестящих слушательниц, обещающих деятеля в научной области. Но никогда кабинетная наука меня не удовлетворяла¹. Я переходила от предмета к предмету и ничему не хотела всецело отдаться. Я писала в своих дневниках, что хочу дела, подвига, практического дела. Я была, в сущности, очень одинока в это время.

С домашними я никогда не была откровенна, а мой единственный друг того времени жил за границей. Я все металась и все к чему-то готовилась. Ясно мне было одно: что я ни в каком случае не выйду замуж, п<отому> ч<то> эта замужняя жизнь мне противна. Я осталась верна этому убеждению на всю жизнь моей юности, п<отому> ч<то> в 20 лет, когда единственный ч<е>л<ове>к, который был мне близок и дорог, из-за разлуки с которым я страдала до вечных слез и вечной бессонницы, просил меня быть его женою, я не поколебалась ответить, что скорее расстанусь с ним навсегда и разорву всякие сношения с ним, чем изменять своему убеждению, что эта участь не для меня и что мне предстоит одинокая жизнь, полная борьбы за мои верования и идеалы. Он стал удаляться от меня, говоря, что так ему тяжело. Я вытерпела это, страдала, плакала целый год, следила издали, к<a>к он портился и губил свою жизнь, — никогда я не поколебалась в своем решении, не обнадежила его ни одним словом. Он разорвал со мною всякие отношения, запутался и застрелился... Я знала, что была отдаленной, косвенной причиной его гибели, он и теперь иногда снится мне в тяжелом сне, но никогда я не пожалела о том, что отреклась от брака. Я осталась совершенно одинокой, мечтать о «деле», которого я все еще не находила. Уже в 18 лет в записках моих идет речь о журнале. «Вот дело, которое могло бы меня удовлетворить», — писала я. Но у меня не было тогда никаких непосредственных соприкосновений с журналистикой, даже непосредственных впечатлений от журналистики, и никаких знакомых из литературного мира.

В 20 лет я написала свою первую статью о Башкирцевой, отнесла ее в «Вестн<ик> Евр<опы>», — мне отказали, хотя я и теперь считаю, что это было несправедливо. Редакция этого журнала, канцелярский, формальный тон разговора возмутили мою душу. Потом я напечатала статью в другом журнале², менее «почтенном» и притом — не без содействия папы³. Эта невинная протекция была мне в высшей степени тягостна, к<a>к если бы в ней было что-нибудь дурное. — В то же время я попала в круг Давыдовых, где собиралось большинство радикальных выдающихся журналистов, в том числе Евреинова⁴, редактор «Северного Вестника». Речь постоянно шла о покупке или основании журнала, строились разные комбинации. Я молчала, все слушала и видела. Оттуда, из личных наблюдений, еще непосредственных, бескорыстных и невинных, вынесла я глупое отвращение к компании Михайловского и к нему самому, с его цинизмом, нравственной распущенностью и нагло-самоуверенным обращением с людьми и особ<енно> с женщинами, которые ему

поклонялись. В то время шло предположение купить у Евреиновой «Сев<ерный> В<естник>» с тем, чтобы Михайловский был редактором, а Флексер секретарем. Я этой комбинации не сочувствовала, понимая, что они — разные люди, по всему умственному и нравственному складу. Да и Флексер неохотно шел на эту комбинацию⁵. Тогда же я составила себе план — получить у дяди Н.И.И<льина>⁶ 25.000 и купить журнал у Евреиновой. Но в тот год — я была еще на курсах — об этом не могло быть и речи.

Ясно помню, к<a>к я проводила раз Флексера в редакцию «Сев<ерного> В<естника>», куда он нес статью, и ожидая его в швейцарской — это было на Конюшенной⁷ — ходила взад и вперед и твердила, что «Сев<ерный> В<естник>» будет мой — когда-нибудь, но непременно будет.

Прошел год. Я кончила курсы, переводила Спинозу, слушала Лезгафта <так!>⁸ и была невыразимо несчастна. Слухи о продаже журнала затихли — Евреинова раздумала было его продавать. Я хотела в тот год уехать за границу — учиться в Университете, получить ученую степень и после возвращения основать свой журнал. Но на мои робкие просьбы и заявления о желании ехать за границу мне дали понять дома, что это с моей стороны эгоистично, что это требует денег и т. п. Я не настаивала — меня это почему-то оскорбило, м<ожет> б<ыть>, просто потому, что жизнь дома, без определенной цели, была нестерпима моему темпераменту. Я очень болела в то время, проклинала свою судьбу, бросалась на пол от какого-то бессильного бешенства. Я совершенно замкнулась от своих, даже Спинозу переводила втайне. Когда перевод был готов, я сказала об этом папе, и он вместо того, чтобы обрадоваться, к<a>к я ожидала, сказал, что это безумие, что книга не пройдет цензуру и что вообще это не мое дело, что я должна писать критические статьи. Это меня еще более оскорбило и замкнуло, п<отому> ч<то> я видела в этом полное непонимание меня и даже нежелание понять, п<отому> ч<то> я думала на своем веку, кажется, о всем, о всех родах писательской деятельности, кроме критической, к которой не чувствовала ни малейшей склонности. Однако печатание Спинозы удалось устроить⁹. Он благополучно прошел цензуру и прекрасно пошел в продаже, вопреки предсказанию папы, что очень утвердило меня в мысли — не велика ей цена, этой мысли! — что взрослые и солидные люди, занятые своим делом, ровно ничего не понимают в делах, которые их не касаются, и что я понимаю свои дела гораздо лучше.

Весною этого года — мне было тогда 23 г. — «Сев<ерный> В<естник>», в котором писал Ф<лексер>, стали опять продавать.

К Ф<лексеру> пришел Глинский¹⁰, сказал, что предположено составить компанию на паях, и просил его принять литературное участие в деле и содействовать покупке журнала у Евр<еиновой>, которая соглашалась продать его только в известные ей руки. Боже мой, к<а>к я зажглась при мысли, что другие купят журнал, а я останусь не при чем. Я умоляла Ф<лексера> немедленно устроить так, чтобы я была в компании. Он указывал на то, что у меня и денег-то никаких нет в руках, а через короткое время сказ<ал>, что дело не налаживается, что предполагаемые пайщики — бедняки, и никто еще не сказал наверное, что может дать хоть 5.000. Я как раз в это время очень серьезно заболела, спрыгнув на ходу с конки, слегла, и мне было велено лежать три недели неподвижно на спине под страхами серьезных бед. Я писала, лежа в постели, постоянные письма Ф<лексеру>¹¹, утверждая, что за 5000 ручаюсь чем угодно (я тогда уже решила выпросить их у папы в виде «моей доли» из будущего), и чтобы он сказал, что первый пай уже обеспечен. Позднее некоторые пайщики говорили мне, что они действ<ительно> сплотились вокруг этого первого пая. Фл<ексер> не скрывал от меня, что пайщики не производят на него хорошего впечатления. Но я говорила одно: «Только бы не упустить этого дела, только бы прицепиться к нему. Мы завладеем им».

Папа дал мне 5000, хотя пайщицкая комбинация не особ<енно> нравилась ему. Но я писала ему в отчаянном письме: «Мимо меня проезжает чудесная колесница, она, м<ожет> б<ыть>, никогда более мимо меня на проедет. Дай мне только ухватиться за колесо ее, и я ручаюсь тебе, что через три года буду на вершине ее»¹². Все это было более романтично, чем доказательно, но это было именно так. Я записываю, к<а>к это было. Меня можно осудить. Это был неукротимый импульс. В конце апреля 1890 г. «Сев<ерный> В<естник>» с 2200 подписч<иками> был куплен¹³ — когда я была еще больна. К<а>к только я познакомилась с Глинским и с пайщиками, я поняла, что это люди незначительные, люди без убеждений, шаткие. Самая их порядочность — некоторых из них, по крайней мере, — была мне подозрительна, особ<енно> Глинского. Я на первом же собрании пылко доказывала им, при Глинском, что ему нельзя доверять неограниченной власти, но они — по большинству голосов — сделали это.

Глинский, к<а>к только сделался редактором, стал пьянствовать, прогнал от себя жену, взял другую — из сотрудниц — и разогнал пайщиков от дела своего полностью. Вся редак<ционная> работа лежала на Фл<ексере>, я тоже работала — над рукописями, но в редакции

бывала не часто. Деньги, составленные из паев, ушли очень скоро. Часть их Глинский захватил себе и прокутил. В феврале журнал уже запутался в долгах. Хозяйственный контроль вели выборные пайщики, к которым присоединился прис<ажный> повер<енный> Бубнов, представитель паев г-жи Глинской¹⁴, разошедшейся с мужем. Не подлежит сомнению, что Бубнов, ч<е>л<ове>к очень порядочный, зрелый, — напр<имер>, он уже и тогда был в Совете присяжн<ых> повер<енных>. Он тоже участвовал в ревизионной комиссии, и вообще мне не представлялось возможным, чтобы пайщики и с этой стороны были глупыми ребятами. Была составлена смета — насколько помнится, в 67.000, и было вычислено, что для доведения года до конца¹⁵ нужно 15.000, — начиная с конца апреля. Расчет был ложен: дело в том, что в первый год с переменой фирмы подписка вырастала во второй половине года с большею силою, чем это нормально при обычных условиях. Но была и другая грубая ошибка — ревизионная комиссия, торжественно скрепившая своими подписями книги и смету, не ведала, что творила...

В марте я испросила у дяди Н<иколая> И<вановича> 15.000, о которых шла речь. В апреле пайщики окончательно признали Глинского негодным для дела (он в то время скандалезно страдал запоем) и выбрали меня издательницей. Это было 28 апреля 1891 г.¹⁶ Мне было 24 года.

Я живо помню все подробности этих дней. Я знала, что бросаюсь в море на челноке, — мне было жутко и радостно. Программа журнала — внутренний дух его, во многом отличный от других журналов, единственный в своем роде, в своем роде новый, по крайней мере, для России, с ее Михайловскими, с ее позитивистами, философский дух журнала — в этом была вся моя душа. Мне было жутко долгов, но я никогда не сомневалась, к<a>к и теперь не сомневаюсь, что этот дух восторжествует в России над плоским позитивизмом.

Я сказала папе о своем решении сделаться издательницей уже тогда, когда подписала условие — ночью, придя с собрания. Я была слишком уверена, что он не одобрит меня, к<a>к никогда не одобрял ни одного моего плана, исходящего из моей настоящей, скрытной души. Я не могла с ним советоваться. Мне казалось, что ему будет оскорбительным, если я поступлю по-своему уже после того, к<a>к он выскажет свое отрицательное мнение. Но когда я ему сказала о совершившемся факте, и он резко и возмущенно высказал свой протест, я поняла, что начинается то мое страдание, которого я с детства ждала для себя в жизни. Я всегда любила папу — болезненно нежно, до слез, с беспокойством и тоской. Это были страшные дни во

всех отношениях. Папа отказался дать мне паспорт — а мне нужно было переехать в редакцию, перевести на свое имя квартиру. Денег в редакции не было ни гроша — то, что обещал дядя, еще не было получено.

Кроме того, в первые же дни, работая над проверкою кассовых и других книг (я с утра уходила в пустую квартиру редакции, откуда Глинский уже вывез все вещи, но куда я еще не могла переехать — потому что у меня не было паспорта), я ясно увидела, что касса расхищена Глинским, что в книгах подчистки, что смета, скрепленная пайщиками, неверна, что 15.000 не хватит. С первых же дней я стала искать и просить денег. До приезда дяди я уже обратилась к барону Гинзбургу¹⁷, который раз давал деньги Глинскому, и взяла у него на месяц 2000. У Усовой¹⁸ взяла тоже на короткое время 3.000. У дяди выпросила не 15, а 20 тысяч. Из конторских книг выплыли новые ужасные сюрпризы: оказалось, что многое, проставленное в кассе как оплоченное так, было в действительности не оплочено. Недоплат было уже на 10.000. Я была в безмерном ужасе от той уголовщины, на которую я попала. Я чувствовала себя девочкой, да еще беспаспортной, я была моложе всех пайщиков, все приходившие в редакцию открыто изумлялись при виде новой издательницы. Все знакомые, все родные, все ужасались на мои поступки, — не было никого, кто не предсказывал мне, что я не дотяну года. Фирма, которая только переменялась, опять менялась — при скандальных обстоятельствах, о которых говорили в городе, даже писали из провинции.

Только через 2 недели я достала паспорт. Домой я не могла показаться. Папа избегал меня видеть. Ему было тяжело. И мне было тяжело.

Я тогда же сократила годовую смету на 4.000, отказала секретарю — взяла на себя всю его работу, сократила домашние расходы, назначила себе жалованье 60 р. в месяц. Альбов, назначенный редактором, получал 150 р. в месяц вместо 250, которые получал Глинский, кроме еще 250, которые шли ему на «разные расходы». Живо помню еще, как я поразила пайщиков, заявив, что никому не дам ни копейки аванса — у Глинского была масса авансов, и у Евреиной тоже. Отказ от секретаря тоже поразил их. Я считала все свои поступки очень деловитыми — по сравнению с тем, что делалось до меня и что делали пайщики.

Помню еще сцену с пайщиком Лозинским, членом редакционного комитета, который, увидев, что я пишу сама все редакционные письма, стал утверждать, что женская подпись компрометирует журнал¹⁹. Я дала ему написать какое-то письмо и уличила его в без-

грамотности — он всегда был безграмотен в смысле стиля. После этого он уже не мешал мне, а, напротив, стал приносить мне букеты.

Летом — не понимаю, как это могло случиться, — меня оставили одну полной хозяйкой редакции во всех отношениях. Уехал Альбов, кот<орый>, впрочем, никогда ничего не делал, кроме чтения беллетрист<ических> рукописей²⁰, уехал Фл<ексер> — ему предстоял развод с женою²¹, даже Лозинский был на даче и приезжал раз в неделю. Я жила одна в городе без одного знакомого. Лето было жаркое, душное, до того пыльное, что в июле у меня сделался сильнейший бронхит от пыли. Я работала дни и ночи, писала письма во все концы России, приглашала сотрудников, выясняла им дело, читала рукописи, корректуры, проверяла книги и писала ежемесячные отчеты. Они, должно быть, и теперь сохраняются в архиве. Они были точны. Кроме меня, в редакции был только конторщик — да и то временами пропадающий вследствие запоя. Я была одна за работой, и хотя я знала, что осенью, с сентября денег не будет, но я уже хлопотала — просила маму выделить мне 5.000 из имения, заложив его, что она и сделала. При всех этих условиях я чувствовала себя счастливой, как никогда.

К концу лета у меня уже начались неприятности с пайщиками, особ<енно> с Лозинским. Теперь я хорошо понимаю, что он просто рассердился на меня за то, что я пренебрежительно отнеслась к его ухаживанью. М<ожет> б<ыть>, его подзадоривали другие пайщики, упрекавшие его за то, что он не играет в редакции никакой роли. Осенью, в сентябре, мы катались на лодке с ним и с Кауфманом²² и он, провожая меня, говорил, что дальше не может терпеть такого порядка, что все делается в редакции по моей воле, а его слова не в счет. Я гов<орила> ему: «Так Вы оспаривайте, Вам дана власть», — а он глупо отвечал: «Да из этого все равно ничего не выходит. Я что-нибудь говорю, а делается все по-Вашему».

Потом мы еще «выясняли отношения» с Кауфманом и Свешниковым²³ и выяснили, что взгляды наши на ведение журнала, на его программу — совершенно различные. Выяснив это, мы совершенно разошлись, т. е. они окончательно устранились от дел.

Осенью жилось очень трудно. Я доставала деньги в долг — еще от Н<иколая> И<вановича>²⁴, от Усовой, от Пистолькорса²⁵, от Гинзбурга. Первый год поглотил 48.000, кроме того, что было вложено моего и кроме 5000 из декабрьской подписки. Долги были наполовину — краткосрочные, до подписки. Они меня терзали. Когда я просила в долг, я про себя клялась, что застрелюсь, если окажусь бесчестной, если обману доверие. Эти клятвы и теперь тяготят надо

мною... Когда я шла просить в долг, я перед тем не спала ночь и часто отчаянно плакала. Я шла на это, к<a>к на пытку.

В ноябре, когда я поехала в Москву доставать деньги, всего на 3 дня, пайщики в мое отсутствие сделали общее собрание, а затем — попытку продать журнал, хотя на нем было моих *векселей* на 38.000, кроме долгов без векселей. Бубнов пришел предупредить меня об этом. Началась история с пайщиками, окончившаяся третьей-ским судом, во время самой подписки, в декабре, с начала до конца м<еся>ца. Пайщики распустили слухи, что я их обокрала. Это был скандал на весь город.

История суда подробно описана, со всеми документами, в моей докладной записке суду, огромном документе, листа в 4 печатных...²⁶ Спасович²⁷ стоял за меня. Пайщиков удалили из журнала. Меня оставили единственной собственницей журнала²⁸.

Я думала — подписка упадет ото всех этих скандалов. Но она поднялась, хотя всего на 125 ч<е>л<ове>к.

Но уже в январе, в конце, у меня исходили на краткосрочные обязательства все деньги. А в марте, 15-го, мне нужно было обернуться с векселем в В.К.Б.²⁹ в 15.000 р. Не могу понять, каким образом <папа> допустил меня до этой детской глупости — написать один вексель на 15.000 руб. Он знал, что я это делаю и потом многократно, обидно бранил меня за это, но в то время ничего не сказал. Когда стал подходить срок этого злополучного векселя, я была в состоянии какого-то оцепенения от ужаса. Я собирала деньги со всех сторон — для оборота. Тогда же я взяла впервые 3000 р. у В.А.Ч<ацкина>³⁰ — тоже для оборота. Но даже мысленно я не могла собрать всей нужной суммы: по моим расчетам, не хватало около 1500 р. С папой у нас в эту зиму были страшно тяжелые отношения. Он предпочитал совсем не видеть меня. Перед знаменитым 15 марта я пошла к Кони³¹, к<a>к и тогда, когда просила его посредничества для выдачи паспорта, и просила его объяснить папе грозивший мне скандал.

Кони помирил меня с папой³², и папа дал мне для оборота недостающие деньги... С тех пор он и стал втягиваться в дело.

По совершении оборота с В.К. Банком я опять осталась без денег — в ужасе перед грозящим разорением. Я поехала в Москву — и Боже мой, чего только я там не продельвала, чтобы достать денег. К скольким купцам я ездила, у скольких просила — всячески: лично, письменно, через знакомых. Один — Коншин³³, помнится, меня чуть не выгнал. Это была гадкая сцена. В заключение дело устроилось только с дядей. Он дал еще денег, но при этом так бранил меня, так унижительно трактовал меня, что мне хотелось повеситься от стыда и униженья...

Но в те периоды, когда удавалось обеспечить журнал займом на 2–3 м<еся>ца, я была очень счастлива. Мне казалось, что все-таки я иду вперед. Литераторы, с кот<орыми> приходилось иметь общение, обходились со мной как-то бережно-почтительно. В 1892 г. я познакомилась с Толстым, и он тогда же сказ<ал> мне, что «Сев<ерный> В<естник>» его любимый журнал, что я должна всячески держаться и что он будет мне помогать. И он действ<ительно> помогал³⁴.

В 1893 г. подписка дала большой прирост. Надежды оживляли — и сейчас же начинало казаться, что я не просуществую с журналом и м<еся>ца. Опять вся подписка ушла на долги. Весною я опять ездила в Москву и достала 10.000 через Евреину от Плотицына <так!>³⁵. Он обещал доставить эти деньги к началу мая, и в ожидании этих денег я уже задерживала гонорары, влезала в оборотные долги. Помню, в день, когда привезли из Москвы деньги вместе с заемными письмами, кот<орые> я должна была подписать и засвидетельствовать у нотариуса, я взяла для этой цели из конторы и кассы все, что было, и — по игре случая — то, что было копейка в копейку, включая и медь, совпало с тем, что было нужно уплатить нотариусу.

Я забыла еще сказать, что несколько ранее, в феврале 1893 г., я слегла от переутомления, от нечеловеческого напряжения сил, от тревоги и несколько дней лежала в своей маленькой комнате, которая была отдана потом Сергею и где был ужасно скверный воздух. В тот год у меня жила m-me Carré³⁶. Ей я отдала единственную хорошую комнату, не занятую редакцией и конторой. Жить с ней было мне очень тяжело, п<отому> ч<то> она мешала мне работать, и я должна была постоянно бороться с ее разговорчивостью. Право, мне было очень тяжело, так тяжело, что у меня вечно болели руки, ноги, спина, точно мне вытягивали жилы. Когда, запутываясь в долгах, я перестала быть аккуратной в возврате денег, в уплате гонораров — а это началось уже в 1893 г., — половина моей изобретательности уходила на то, чтобы придумать способ объяснения с кредиторами и сотрудниками. Я думаю, за эти 7 лет я написала не менее 2000 писем, единственное назначение которых было — просьба об отсрочке или извинение в неаккуратности. В конторских делах мне уже пришел тогда на помощь Гриша³⁷. Но и он был неопытен. Конторщик, рекомендованный Кричевским³⁸, служившим уже в банке, был непроходимо глуп и до того неопытен, что писал в кассу к<a>к выданное и то, что причиталось. Это было, конечно, очень комично — и очень тяжело. Меня съедала мысль, что я уже не справляюсь со всеми своими обязанностями, что многие письма остаются неотвеченными. Мы решили взять секретаря. Потом Гриша настоял на том, что надо

взять управляющего конторою. Взяли Вольтке³⁹ за 75 р. в месяц, но он оказался небрежным к нашим интересам и недобросовестным. Он даже не позаботился о том, чтобы найти лучшего конторщика.

Я не понимаю теперь, почему мы не просили «взрослых» людей, к которым имели доступ, чтобы нам хоть помогли найти людей. Мы жаловались окружающим, но, право, никто не делал попытки в то время помочь нам именно в этом отношении. Ах, как много было глупого, смешного, и истинно трагического в то же время было всегда <так!> в этом деле! Теперь, теперь пришел опыт, большая практичность, умственная зрелость во многих делах. Теперь!..

Были ужасные дни и бесчисленные ночи без сна. Был труд огромный, упорный, тяжелый — и любимый. Были униженья и обиды без меры, были минуты упоительного восторга над работою. Никому нельзя объяснить, передать, какое глубокое вдохновение может заключаться в самой простой, будничной работе. Какая прелесть заключается для меня в пакете свежих, пахнущих краскою корректур, приносимых из типографии, в ворохах писем и рукописей, собирающихся со всех концов России. Какое радостное чувство при победах над цензурою — они были многочисленные до назначения Соловьева⁴⁰. Пойти, убедить, победить, говорить прямо и дерзко, как не говорят с начальством, и видеть, что они теряются от прямодушия — какая молодая бодрость была в этом! Просидишь две-три ночи без сна и видишь выпущенную в срок книжку, свежую, влажную! Перебирать вороха газет, следить за тем, что делается на свете... Быть в простых дружеских отношениях с разными людьми — с сотрудниками, наборщиками, цензорами, даже с прикащиками <так!> в книжных магазинах — как мне это бывало легко, радостно, к<a>к я чувствовала себя на месте. И я знала, что «Сев<ерный> В<естник>» делает *свое* дело, настоящее, глубокое, что он медленно, медленно, но уже пробивает дорогу тому, что придет. Как я люблю все это, к<a>к все это заполняло мою жизнь. Боже, к<a>к мало понимают люди! Они могут понять, что можно любить одного человека, определенного человека и никого более, и не понимают, не хотят понять — слишком часто выказывают непонимание — того, что можно любить определенное дело, именно такое, а не другое дело. Были страшные дни и ночи, кризисы, сомнения в завтрашнем дне, от которых кровь стыла в жилах. Давил стыд перед кредиторами, сотрудниками, тяжкая меланхолия — особая меланхолия, меланхолия ч<елове>ка, сознающего себя виноватым перед людьми, застилала свет. Выходили омерзительные, позорные сцены из-за денег, терзало сознание, что слишком многое упускается, что делаются непоправи-

мые ошибки, болело сердце, смертельной болью, уходили силы физические, долгие годы сплошной бессонницы сосали кровь — и при всем этом, несмотря на все это, никогда, ни разу, ни даже теперь, когда жизнь и долги мои опрокинули меня наземь, — никогда я не раскаивалась, никогда не сказала себе, что взялась не за свое дело. Перед Богом и совестью своею — знаю, что взялась именно за свое дело, хотя и взялась за него неподготовленная, м<ожет> б<ыть>, слишком рано, и притом в невозможных условиях, которые с самого начала пророчили гибель.

Эти накопляющиеся векселя⁴¹, все растущие в числе, эти непрерывные заботы о завтрашнем дне — сломили меня, собственно, еще в 1895 г. Я заболела опять, остро, мучительно.

Поездка за границу была крайне неудачна — мне каждый день присылали письма и телеграммы⁴². Я вернулась, не отдохнув, а год был страшный. Нужно было заплатить, переписать, отсрочить — если не ошибаюсь, 95 векселей. Я знала, уже наверное знала, что не справлюсь. Я не справилась бы и в 1894 г., если бы не случилось чудо: в декабре м<еся>це пришло письмо от Розалион-Сошальской⁴³, подписчицы журнала, кот<орая> писала, что слухи о нищете журнала, о грозящей ему гибели достигли ее захолустного Купянска⁴⁴, что получив старый долг в 10.000, единственное, что она имеет, она счастлива дать в журнал эти деньги без всяких условий и оговорок. Я поехала в Харьков, остановилась там всего на 5–6 часов, увидела впервые эту своеобразную, простоватую на вид старую хохлушку, которая вошла в мой номер с своими ценными бумагами (в ситцевом мешочке) в руках, приняла их с изумленной благодарностью и в тот же вечер ехала назад, в Спб.

1895 г., эти 95 векселей, ужас непрерывный, возрастающий перед неизбежностью гибели, сломили меня. В тот год я была почти мертва для журнала. Редакц<ионную> работу исполнял один Фл<ексер>, который много раз говорил, что у нас нет более редакции, что со мной нельзя ни о чем говорить, что я какая-то ненормальная. Я стала прятаться от людей — всюду мерещились мне кредиторы, неоплоченные сотрудники. Я потеряла свою бодрость и живость. Я стала мнительна. Всюду слышались и чудились мне упреки. Я не надеялась довести до конца 1896 г., мне казалось, что январская книга последняя. В декабре в этом именно настроении я предложила Фл<ексеру> написать совместную заметку, в которой открыто высказать отличие «Сев<ерного> В<естника>» от других журналов⁴⁵, все то, что не удалось достаточно ярко и определенно, явно для всех провести в журнале. Я понимала, что это не будет «тактично», что

это взбесит врагов, навлечет упреки. Мне было уже все равно: я ниоткуда не видела спасенья.

Что меня еще нестерпимо терзало, так это необходимость скрывать от всех свои настоящие мысли о положении дел, даже лгать. Никогда я никому не хотела признаться, что чувствую себя на волосок от гибели. М^{ожет} б^{ыть}, были и надежды в глубине души, минутами, и вера в какое-то чудо. Я знала, что журнал велся за последнее время хуже прежнего, я видела, что подписка как будто опускается... как будто. Я боялась поверить своим глазам.

В начале 1896 г. выяснилось, что В.А. Ч^{ацкий} хочет помочь делу. Но я еще не видела, к^ак все это сложится. И я знала, что нужно мне страшно много, что никаких денег не хватит, п^{отому} ч^{то} все съедят векселя и недоплоченные гонорары. В феврале 1896 г. произошел пресловутый случай с плевком⁴⁶. Я знала, что я не виновата, что виноват только М^{ин}ский, которому я поручила рукопись и корректуру при отъезде в Москву. Эта история сама по себе дала мне даже много высоких настроений. Но я видела, что это производит скандал, что газеты бросают грязью в самое мое дело, видела впечатление многих знакомых — растерявшихся и как будто стыдящихся меня, видела мучения братьев, которых удерживала от дуэли... И знала, что эта история будет вредна, очень вредна, что многие скажут: «Вот к^ак ведет журнал женщина». Виновата была не женщина — все равно я редактор. В это время поступили большие деньги от В^{асилия} А^{ндреевича}, переделывалась смета. Денег все не хватало даже на сотрудников. Получались ужасающие письма от них. Папа совсем влез в это дело — мне стало еще тяжелее, п^{отому} ч^{то} к горю и стыду моему никогда я не видела, чтобы его совет был полезен, деловит, а его нервность, горячность, волнения по поводу неоплоченных гонораров лишали меня последнего самообладания. Сокращение сметы, которому я в принципе глубоко сочувствовала, горько каясь, что не сделала этого раньше, было произведено на практике очень круто.

Сотрудники охотно шли на понижение гонорара, но с тем условием, чтобы им платили аккуратно, а этого-то и нельзя было исполнить. Платили все время очень неаккуратно, векселя только платились аккуратно. Вот когда нужно было, необходимо было произвести революцию, — так или иначе рассчитаться с кредиторами, п^{отому} ч^{то} ведь это в конце концов было неизбежно. Я тогда и говорила об этом с пониманием <?> с папой, но это было ему противно. И он все время страшно волновался. Помню, после одного разговора с ним в редакции, по поводу неоплоченных гонораров, под

влиянием его волнения, выразившегося в гневе, я убежала к себе в комнату и как сумасшедшая разрыдалась. Мне казалось, что так вести дело все равно невозможно, потому что я теряю силы, которых и без того нужно слишком много. Я работала за многих — писала роман⁴⁷, провинциальную печать, читала корректуры, высчитывала строки в рукописях, сокращала, сокращала без конца, чтобы влезть в смету. Первые месяцы было не только трудно, но почти невозможно: оставались обязательства на принятых и даже начатых печатанием вещах дорогих, — были очень тяжелые разговоры с авторами. И главное — эти векселя, векселя и неоплоченные гонорары. В последнюю минуту жизни моей я еще буду терзаться этими неоплоченными гонорарами. И с этого же лета началось, с воцарением Соловьева, из-за глупой злостной сплетни, переданной ему о моем отношении к нему, — началось неистовое, нелепое гонение цензуры. Смена цензоров, скандалы с авторами, которые не допускали, чтобы статьи печатались в изуродованном виде. Вечная, непрерывная беготня в цензуру, ловля цензоров на дому, издевательства Соловьева, безмерная тупость и наглость Энгельгардта — до корректуры, брошенной мне в лицо, до его кулаков у моего лица, когда он принял меня пьяный⁴⁸. Началось запаздыванье книжек, бессчетные мои письма к Энгельгардту с мольбами не задерживать корректур, бессчетные жалобы. Не было сил находить беллетристики — никто, кроме «декадентов» — будь они прокляты! — и писать не хотел, нужно было вымалывать статьи, потому что все боялись, что получится бессмыслица. И бессмыслиц было много.

Я, наконец, до того потеряла голову, что приняла безумный совет Льдова⁴⁹ понизить цену. Этого я никогда себе не прощу. При явном упадке журнала, при общих слухах о его безденежье и бесчисленных поводах и причинах для этих слухов — это вырывало у меня последние деньги. Я спохватилась, когда было уже поздно. Я видела, как быстро падает подписка, как все разрушается в цензуре, как накапливаются векселя на 1897 год, как умножается число неоплоченных сотрудников. В бреду отчаяния я диктовала свой роман⁵⁰, читала корректуру, уже не участвуя в чтении рукописей, прячась по субботам от людей, теряя последних знакомых. Безденежье глодало дело. Векселя, векселя... — без расчета получить откуда-нибудь деньги. Я сказала себе, что если не освобожу журнал от цензуры и не прекратится эта пытка, смерть настанет немедленно.

Я сделала громадное усилие мысли и воли, выработала и подготовила все ходы к министру. С головокружительной быстротой дали мне эту бесцензурность, столь долго желанную⁵¹. Соловьев сразу

изменил тон, цензора стали заискивающе улыбаться и пожимать руки... У меня и залога не было! Сколько я мучилась и терзалась, чтобы вымудрить этот несчастный залог, у скольких людей просила, бегала, ездила, писала...

План улучшений журнала был мне ясен⁵². Ах, как он мне болезненно ясен, — как все в нем ясно, ярко, очевидно для моего умственного взора: так же, как лица из моего романа. И кое-что было даже сделано в этом отношении, кое-что — одна сотая из намеченного, и при том за самое последнее время, когда уже поздно. Провинциальные письма, которым я придаю большое значение, уже стали обильно скапливаться в ящиках. Научная хроника — дешевая и разнообразная, уже принесена впервые... когда ее и печатать уже негде!

Но как изобразить отчаянную, бешеную борьбу с погibelью в течение 1897 г.! К смете я уже привыкла и приучила других, нужно было улучшать дело изнутри, <так!> вкладывать в него душу, изобретательность, разнообразить, просевать <?>, рассылать повсюду письма, видеть людей... Но дни и ночи я думала о деньгах, собирала грошики, десятки рублей, 20 р., даже 10 руб. Никогда не знала, что будет завтра, чем будет заплочено. Продавала старые книги, газеты, старый журнал, продала словарь редакционный, крайне необходимый для дела. В течение лета я каждый день, без преувеличения, каждый день ходила по городу: не осталось ни одного букиниста, которому я не предлагала бы за более выгодную цену еще одного оставшегося в редакции энциклопедического словаря, который принадлежит Фл<ексеру> и стоит 250 р. и за котор<ый> давали не более 70 р. Не осталось ни одного банка, ни одной банкирской конторы, куда бы я ни ходила с попытками учесть векселя Геренштейна⁵³. На 800 р. не приняли нигде — и, действ<ительно>, нельзя было принять. Я раздробила 800 р. на три части, ходила всюду с этими маленькими векселями, принимая то наивный, то горделиво-тревожный вид, чтобы не скомпрометировать дело унижением нищеты. 5 раз я была в Общ<естве> Вз<аимного> Кр<едита>, прежде чем мне учли вексель в 240 р. И с двумя другими, такими же мелкими, было то же. Я обошла все банки Спб., учла ничего не стоящий вексель Т-ра⁵⁴, вексель нищего Льдова⁵⁵. Продавала свои старые платья татарам. Не оставила ни одного, ни единого знакомого, самого нищего, в Спб., у которого не сделала бы временного займа хоть в 10 р., хоть в 3 р., и, конечно, все это с разными выдумками, с тысячью хитростей, благовидных объяснений, с комедиантством, от которой <так!> мне самой было тошно. Сарра требовала с меня денег, угрожая судом, пока наконец не привела этого в исполнение⁵⁶. 10, 15 раз, м<ожет>

б<ыть>, больше, ходила я к ее адвокату. С.И.И.⁵⁷ грозил протестом или судом за неуплату % в 245 р. — у него скопилось за лето более 10 моих писем, с объяснениями, просьбами об отсрочке. У меня мозг разрывался от вечного напряжения в одном и том же направлении. Я дурела от голоду, от настоящего голоду, п<отому> ч<то> того, что я зарабатывала переводами, не хватало на мою жизнь, а брать себе лишнее, когда сотрудники не получали, не было сил. Да и еда не шла в горло. Были 2 дня в июне, когда я ничего не брала в рот, [п<отому> ч<то> уже желудок не принимал пищи⁵⁸.] Прислуги летом у меня не было. Я три м<еся>ца, пока наши были в деревне, обедала двумя яйцами или полубутылкой простокваши, да и это ела насильно, п<отому> ч<то> желудок не принимал пищи. Дворник ежедневно приходил требовать денег за квартиру, хозяин на Троицкой⁵⁹ угрожал мировым судом. Я сбежала, буквально сбежала — стараясь быть незамеченной швейцаром и дворником — на новую квартиру, не заплатив денег ни старому, ни новому хозяину. Вещи перевезли на деньги, вырученные с продажи старых книг. Я спустила все, что брали, даже дорогие мне книги. Весь август денег требовали за обе квартиры, и я не платила... Господи Боже Мой, что я пережила, когда Арефьев⁶⁰ написал мне, что его гонят с квартиры, что он не может дольше ждать гонорар, когда он писал мне об этом без упреков, в прежнем восторженном тоне говоря обо мне и робко моля позаботиться о нем... Что я пережила, когда он написал наконец, что его уже выгнали из квартиры, одинокого, на Берлинские улицы... Сколько я бегала, чтобы найти ему другую работу, которая оплачивалась бы аккуратно.

Разве можно было бы физически, нервно вынести все это, если бы я не находила отдыха, забвения в тех немногих часах ночной редакционной работы, — этой будничной для других, этой прозаической, но безмерно любимой и праздничной для меня работы. Только в этом был мой отдых, в одном только этом, п<отому> ч<то> какие-ниб<удь> три часа сна были отравлены ужасными кошмарами: векселя, векселя, суды, неоплаченные гонорары... Но редакционная работа, всякая, без исключения, без единого исключения, именно то, что других тяготит к<a>к какой-то черный труд, все это для меня только отдых, радость. Ее разнообразие, ее назначение — идти на свет, в публику, в умы, — ведь это то, что делало ее священной, вдохновляющей. Сколько можно было бы сделать, изобрести, прочесть на разных языках и передать сжато, ясно, ярко. Ловить в общении с людьми то, что волнует всех и говорить именно надо <об> этом — и в этой форме говорить свое, убежденное, последовательное. Прояснять ум, трогать сердца живым состраданием к людям, находить новые пути

для человеческих интересов, для мечтаний, животворящих и окрыляющих на борьбу — какое безмерно и ни с чем не сравнимое счастье, если бы только можно было ему отжаться. Находить способных людей, затиснутых жизнью в грязные ямы, ободрять их, приучать их писать литературно, ясно, любить стиль, быть точным в своих словах, мыслях и сообщениях — какое безмерное счастье.

И это дело гибнет, гибнет от голоду. Все мои ошибки, все мои недостатки падут на мою голову, чтобы придавить меня навсегда. Я научилась вести дело практично, когда уже поздно. Нет и не будет никаких утешений. Жизнь никогда не привлекала меня сама по себе, я ничего не люблю в ней. Она мертва, тускла и несносна без живого дела. Одинокое заключение не тяжелее того, что мне предстоит. Жизнь в комнатке, однообразная работа — какие-нибудь грошовые переводы, компиляции по заказу? В чужие журналы, где уже есть свои работники? В поиски за куском хлеба, в конкуренцию с другими нищими... Нет, не это страшно. Безмерно страшно то, что не будет, просто не будет этого дела «Северного Вестника», этого живого дела, которое могло бы, наверное могло бы, расцвести. Пока 2/3 сил, даже не все силы уходили на редакционную работу, дело шло в гору. Я была тогда моложе, менее образованна, знала меньше языков, поэтому и чуждо и англоязычно я научилась всего год тому назад, понимая его важность для журнала, я тогда многого не понимала, со многим не сообразовалась, многого не принимала в расчет... И все-таки дело шло в гору.

Я погибну оттого, что не имела времени поддерживать нужные знакомства. Вот уже более году, как я хорошо понимаю, до чего это необходимо, — и не было физической возможности. Не было времени, не было ни одного не дырявого платья, в котором можно было бы показаться, не было духу, поэтому я ждала гибели и боролась с ней. Те, которые меня любили, сделали все, что могли: мой бедный папа⁶¹, Гриша, некоторые знакомые, некоторые родные. Другие меня не знают и не любят, другим я не стану растолковывать, объяснять, что нельзя упустить из рук этого дела. А людей, которым был бы нужен журнал, — где я их найду? Я никого не знаю. И я погибну оттого, что я никого не знаю.

Нет, я и теперь еще жду чуда. Неужели такая любовь к работе, и определенной работе, не нужна в мировой экономии сил? Неужели я не нужна людям? Ведь я люблю их, люблю людей через свое дело, люблю Бога в трудовом процессе, люблю дыхание его в неземных стремлениях, в невидимом и неуловимом, но несомненном тяготении всего к высшему свету, к истине. Неужели судьба допустит, чтобы

все усилия, вся любовь, все было напрасным?.. Я выздоровлю и буду бороться.

ЗАПИСКА Л.Я. ГУРЕВИЧ О РЕОРГАНИЗАЦИИ «СЕВЕРНОГО ВЕСТНИКА»

В конце 1891 г. «Северный Вестник» перешел в мои руки от компании на паях, официальной издательницей которой я состояла с мая того же года, — причем на журнале числилось уже до 50.000 долга в самой тяжелой форме краткосрочного и преимущественно банковского кредита с постоянным переучетом векселей и неотложною уплатою %. Подписка, более чем на треть, не окупала установленной при прежнем издательстве и поддававшейся лишь медленным сокращениям сметы. В первый год подписка дала лишь небольшой прирост, долг же мой, в виду неимения у меня личных средств, значительно увеличился. В последующие года однако было достигнуто значительно увеличение подписки и сокращения сметы. Однако долговые операции, в виду стечения неблагоприятных условий, до такой степени отвлекали силы от редакционной деятельности и бременили смету процентами, что осуществить намеченные в журнале и обещанные подписчикам улучшения и реформы не представлялось возможности. За все время моего издательства в виду постоянной необходимости переучитывать векселя и погашать долги, не имея текущего счета, а при таких условиях и оплата гонорара не могла производиться с надлежащею аккуратностью. Однако до 1897 г. подписка журнала была такова, что могла вполне поправить окончательно выработанную и проверенную практикой смету журнала. Конец 1896 г. и первая половина 1897 г. были настолько исключительно неблагоприятны в цензурном отношении (исключены были 20 печ<атных> листов текста из разных мест, в том числе из беллетристич<еских> произведений к крайнему неудовольствию гг. авторов, систематическое задержание книжек журнала и т. п.), что подписка сразу значительно понизилась. Исходатайствованное мною в мае 1897 г. право бесцензурного издания журнала хотя и внесло заметное облегчение в ведение дел, но уже не могло поднять подписки этого года и поправить сразу расшатавшиеся денежные дела. Все эти обстоятельства вынудили меня, в текущем году, к откровенному объяснению со всеми главнейшими моими кредиторами, которые и изъявили согласие на погашение долга незначительною частью его.

Имея, в настоящее время, в виду реорганизовать издательскую сторону [передав право издания компании на паях] дела посредством паевого товарищества, капитал которого обеспечил бы существование журнала в ближайшее время и все необходимые в нем улучшения и реформы, я предполагаю в то же время, что члены товарищества образуют из своих представителей редакционный совет, который внесет свои указания в разработку намеченной журнальной программы.

Применительно к общей схеме журнала «литературно-научного и политического» пункты предполагаемых в журнале улучшений намечены в нижеследующем виде:

1) В критических статьях к теме, как русской, так и иностранной литературы должно быть внесено больше разнообразия. Должны быть привлечены новые сотрудники, следящие за новой иностранной литературой. Обзорение русских журналов должно быть дополнено обзорением журналов иностранных. Отдел библиографии должен быть веден более систематично и захватывать также выдающиеся новости иностранных книжных рынков.

Отдел беллетристики, при наличности денежных средств легко может быть улучшен привлечением литературных сил, для которых вопрос гонорара представляет вопрос далеко не второстепенной важности. Из прежних постоянных сотрудников журнала в беллетристическом отделе нужно указать, как на желательных, на следующих: П. Боборыкин, П. Гнедич, М. Горький, В. Каренин <В.Д. Комарова>, Е. Леткова, В. Микулич, Вас. Немир<ович>-Данч<енко>, Вл. Нем<ирович>-Данч<енко>, С. Смирнов, А. Шеллер, О. Шапир, И. Ясинский, А. Эргель.

2) Отдел научный был почти совсем не разработан в журнале до последнего времени, лишен какой-либо систематичности и определенности в задачах. Между тем не подлежит сомнению, что в обществе существует и постоянно возрастает умственный спрос на работы общественно-научного характера, пополняющие знания, и при известном систематическом ведении дел удовлетворяющих потребность в самообразовании. Размер разнообразия в небольших очерках по вопросам естествознания (в его новых отношениях и теоретических приобретениях), философии, психологии и обществоведении, постоянная хроника научных новостей и наконец расширение и систематизация отдела научной библиографии — будут несомненным нововведением в журнале по отношению к прежней программе журнала в этой области.

3) В вопросах внутренней и иностранной политики журнал будет по-прежнему держаться общегуманных прогрессивных начал,

чуждых всякого шовинизма [во всех его проявлениях]. При этом в вопросах внутренней политики должен быть заново организован и систематически разработан отдел земский — так чтобы в течение года журнал давал сжатую, но полную картину деятельности земств — их успешных начинаний, а также и препятствий, встречаемых ими со стороны других <органов?> общей и местной жизни.

Точно также желательно организовать и поставить на систематических началах отдел народного образования — во всех его видах, причем — в течение года — составлялась бы более или менее полная, хотя и сжатая, картина его общих и местных нужд.

В отделе иностранной политики [желательно систематизировать и улучшить иностранные корреспонденции (письма из-за границы), давая читателям материал не только и бытовые].

В существующем в журнале издавна областном отделе желательно систематизировать обозрение жизни русских окраин с выяснением этнографических, бытовых и культурных особенностей их, требующих уважительного и бережного отношения к ним со стороны центра. Особое место в обозрении окраин должна занимать Сибирь, с прежними и вновь намечающимися чертами ее жизни.

В отделе иностранной политики должны быть систематически организованы и улучшены письма из-за границы, знакомящие читателей с западными культурными движениями в широком смысле этого слова. В политическом обозрении или в виде постоянных небольших заметок, желательны систематические указания на все европейские движения в пользу разоружения и вообще все течения мысли, постепенно подкапывающиеся под господствующий повсюду милитаризм.

Все эти улучшения и нововведения не должны занимать лишнего, против прежнего, количества листов в журнале и увеличивать смету, но лишь вытеснять случайные материалы (балласт), постоянно проникающие в журнал, лишенные строго обдуманной организации.

Полная смета журнала исчисляется мною при прежнем количеств<е> листов в 40.000 ежегодно, т. е. позволяет журналу окупаться при 3.500 платных подписчиках.

Состав книжек.

Вследствие чрезмерного израсходования времени и сил на борьбу с материальными невзгодами [а в первое полугодие и с цензурными условиями] редакционная сторона дела велась неудовлетворительно [многие начатые уже задачи исполнялись непоследовательно и неудовлетворительно], что повлекло неудовольствие подписчиков,

о котором приходилось слышать, и которые <так!> находили отголоски в печати, особ<енно> провинциальной. К недостаткам журнала, вызывавшим нарекания, нужно отнести следующие:

В I отд<еле>.

1) Незначительность популярно-научных статей, на кот<орые> есть большой спрос, что выражается сильным спросом на попул<ярно>-научные книги и журн<ал> «Мир Божий», кот<орый> состоит преимущественно из такого рода статей. Пополнение и развитие научного отдела представлялось особ<енно> затруднительным в виду необходимости привлечения новых сотрудников при невозможности аккуратно платить гонорар.

2) Неведение до конца данного редакцией обещания представить полную программу по самообразованию. Причины те же, что и в предыдущем случае.

3) Довольно слабый выбор переводной беллетристики — вследствие невозможности затрачивать нужное количество времени на отыскание выдающихся вещей в иностранных журналах. Также — стилистические недостатки переводов — вследствие невозможности отдавать достаточное количество времени редакционным поправкам и <подыскать?> более новых современных переводчиков. (Многочисленные жалобы на плохие переводы).

Во II отделе.

4) Отд<ел> Провинц<иальной> печ<ати>, оч<ень> любимый провинциальной публикой, велся разными лицами с большою непоследовательностью, с пропусками в несколько месяцев, с упущением жгучих для провинции тем, затрагиваемых другими изданиями.

5) Отд<ел> «На окраинах» и «Областной отд<ел>» велся также не систематически с упущением наиболее жгучих тем, отмеченных всею провинц<иальною> печатью.

6) Внутр<еннее> обозрение вызывало много критических нареканий со стороны разных лиц и велось, действ<ительно>, слабо, сотрудником, не имеющим достаточной подготовки по юридич<еским> вопросам, и при том писалось наскоро, в последние дни месяца, по его собств<енному> заявлению, вследствие того, что неаккуратность в выплате гонорара ставила его в необходимость набирать много случайной работы из других ред<акций>.

7) Отдел Крит<ики> и библиографии страдал несистематичностью: для многих выдающихся, всех интересующих книг не давалось никакого отзыва за недостатком подходящих сотрудников и вследствие того, что постоянные ред<акционные> работники, не будучи уверены в получении гонорара, писали для журнала только в конце

месяца наскоро о книгах, более легких для отзыва. Многие ничтожные книги, не заслуживающие <нрзб.> вызывали пространственные отзывы. Для упорядочения этого отдела предлагаю <обрыв текста>.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПИСЬМО Л.Я. Гуревич к Я.Г. ГУРЕВИЧУ¹

Публикация А.Л. Соболева

Дорогой мой Папа, я должна написать тебе сегодня о деле, от которого буквально зависит вся моя жизнь, все мое будущее. Я должна была бы написать тебе об этом 1 ½ недели тому назад, но я заболела именно в том моменте <sic>, когда должна была быть здоровой, чтоб говорить с тобой. От тебя одного зависит теперь для меня вся судьба, счастье, полное душевное удовлетворение, полный расцвет умственных и душевных сил, полное удовлетворение своей жизнью, забота о своем здоровье и само здоровье. Я еще никогда не переживала такой полной зависимости от чье-либо да или нет. Я была невероятно послушной и терпеливой в болезни, чтоб скорее выздороветь и говорить с тобой; теперь это письмо, напрягающее все мои душевные и нервные силы — первое, что я делаю и ожидание ответа будет поистине ужасным.

Ты много раз говорил мне, что недоволен моей келейной жизнью, моим затворничеством и индифферентизмом ко всему окружающему. Правда, разумеется это правда — ты был прав за меня. Я почувствовала это со всей силой, со всей страстью в этом году. Я поняла, что жила в своем углу, — только от отчаяния, что некуда по-настоящему приложить всех своих разнообразных душевных и нервных сил: я не могу жить, как другие барышни, потому что у меня другой склад натуры и ума; потому что у меня непокорная, сильная и страстная натура, которая уложится только в рамки широкого, сильного, общественного дела: эту деятельную натуру я унаследовала от тебя. Все занятия и всякая жизнь другого рода хороши для меня, как упражнение или как монастырь. Эти два года — это был настоящий монастырь, настоящее безрадостное затворничество. Но в течении этой зимы я заметила, как молодой послушник, что не создана для монастыря. Литература, журналистика, общественная

¹ Текст публикуется по автографу: РГАЛИ. Ф. 131. Оп. 1. Ед. хр. 77.

жизнь во всех ее проявлениях стала меня волновать больше всего на свете. Все, что касалось журналов, даже газет, даже фельетоны и полемика — все это волновало меня как нечто родное, все это влекло меня к себе как стихия, для которой я создана. Я почувствовала себя журналистом, я поняла, что из меня может выработаться самый серьезный, убежденный и горячий деятель на журнальном поприще. Но некоторым натурам и особенно женщине бывает так трудно найти себя. В чем именно моя сила? Мои способности? Я еще сама наверное не знала. Я поняла только, что мне надо прорваться в какой-нибудь журнал; начать работать понемногу, сначала статейки библиографического, критического характера, маленькие повести — я сама не знаю. Мне необходимо учиться писать в журнале, где ко мне относились бы не свысока, где мне не надо было бы унижаться, как я унизилась раз в Вестнике Европы. Я не способна к унижению и никогда не забываю его, — это дурная черта, создавшая уже многих неудачников даже из людей очень даровитых. Для развития способностей нужны условия; один из сотни людей, способных к литературе, принимает в ней участие, а люди сравнительно недаровитые выписываются и занимают в журналах почетные места благодаря благоприятному стечению обстоятельств. Женщине еще в двадцать раз труднее выработать из себя литератора... Во мне все задатки, чтобы сделаться с одной стороны настоящим литератором, а с другой — несчастнейшим неудачником, тяготящимся своей жизнью и думающим только о том, как бы отвязаться от нее. Надо сказать правду — до сих пор я не любила жизнь.

С этого года я стала серьезно думать о том, чтобы переехать на эти рельсы: начать писать в журнале, непременно литературном, потому что только неспециальная литература есть мое призвание. Для меня оставался открытым только один журнал: Северный Вестник. (Вестник Европы слишком солиден и слишком хорошо обставлен солидными силами, чтобы иметь терпение разбираться в опытах начинающих писателей; меня оттуда уже раз отогнали: вообще это не то, что мне нужно. Я хочу быть постоянной сотрудницей, тогда только я выпишусь и найду себя. Русская мысль тоже гоняется за именами и тоже имеет постоянных сотрудников по тем отделам, где мне нужно и хочется начать.) Оставался Сев. Вестник, на который я возложила все свои надежды, о котором мечтала страстно всю зиму, к которому просто привязалась душевно как привязываются к чему-нибудь живому, близкому. Я уже задумала для него много ма-

леньких работ, пригодных только для журнала, в котором постоянно участвуешь.

В феврале, т. е. с тех пор, как Евреинова расплатилась со старыми долгами, положение Сев<ерного> В<естника> пошатнулось. С тех пор я решительно потеряла всякий покой. Умиранье этого журнала отзывалось в моей душе как агония знакомого и даже близкого человека. Я не могла без слез брать в руки и даже видеть обертки этого журнала. Я столько плакала о его судьбе, сколько не плакала о смерти знакомых. Это мож<ет> б<ыть> глупо, но это — привязчивость страстной женщины, сосредоточившаяся на предмете хотя неодушевленном, но более живом, чем многие одушевленные существа. Все мои мечты, все мои стремленья сводятся к тому, чтобы быть участницей журнала, чтобы отзываться живым словом на все, что волнует мою душу в окружающем мире. И я могу, я чувствую, что я могу...

Одно время Евреинова просила в долг 15 тысяч под обеспечение журнала, предлагая сделать меня за это соиздательницей. Я умоляла Маму ради Христа достать эти 15 т. Мне думалось, что ведь это не невозможно: достают же люди с именем, с кредитом большие деньги. Сколько великих дел делалось в кредит. На доверии к еще не вполне заявленным способностям ч<е>л<ове>ка основывались великие успехи... Я пережила тогда дни самого невероятного напряжения, надежд и отчаяния. Соиздательство — пустое дело, но я так верю в свои силы, так ощущаю их, что уверена была достигнуть очень многого, имея это малое. Только бы зацепиться, одним пальцем зацепиться за колесо этой колесницы, проносящейся мимо меня — для того, чтоб м<ожет> б<ыть> никогда больше не появляться на моем горизонте — и я уверена, что с тем жаром, с той страстью, кот<орая> пылает в моей душе, я взобралась бы в конце концов на самый верх этой колесницы. Я развернулась бы и возродилась бы, я проявила бы такие качества которых м<ожет> б<ыть> никто даже не подозревает во мне, кроме меня самой... Но ты тогда сказал Маме, что пятнадцати тысяч ни в каком случае не можешь достать. Ни в каком случае? — ну что же делать!... Надо было отказаться от прекрасной промелькнувшей надежды, надо было оторвать ее от своей души. Но Мама прибавила тогда одно слово, которое запало в мою душу: «Папа сказ<ал>, что этой суммы решительно неоткуда взять; пять тысяч он еще мог бы как-нибудь достать, но ведь пять тысяч не спасли бы тебя».

Мне казалось иногда потом, что если бы ты знал, какое это имеет для меня значение, в какой мере это обеспечило бы мое счастье на

всю мою жизнь и в какой мере я переродилась бы, получив доступ в журнале, то не отказался бы сделать все, чтобы достать даже 15 тысяч. Я так глубоко верю в то, что ты ничего не пожалел бы для настоящего счастья своих детей...

С тех пор прошло около 2-х месяцев. Северный вестник совсем умирал. Его уже мог купить всякий желающий. Его уже хотели купить люди, кот<орые> должны были окончательно погубить его. Я думала с глубокой болью в душе за русское общество: неужели не найдется никого, кто бы захотел взять в руки и поднять на высоту молодой чистый журнал, уже окупающий свои расходы?

Две недели тому назад, когда я уже совсем расхварывалась, возник проект, от которого затрепетало все мое существо. Нашлось несколько молодых еще людей из высшей интеллигенции, молодых профессоров, ученых и писателей, соединенных университетским товариществом, кот<орые> решили собрать по грошам все что может стоить С<еверный> В<естник> — приобретение его в полную собственность и хорошее, широкое ведение его до будущего подписного года. Все было аккуратно и предусмотрительно взвешено и рассчитано. Но денег — немного, совсем немного — не хватало для хорошей постановки дела. Им предлагали паи люди со средствами, но они не хотели пускать в свой интеллигентный товарищеский круг лиц мало-мальски неподходящего уровня. Пайщики, дающие каждый по 5 тысяч, составили договор, по которому каждый имеет голос в делах чисто редакторских. Евреинова остается номинально... Узнав об всем этом за день до болезни, я просила спросить на всякий случай приняли ли бы меня? Аким Львович, товарищ по университету этих людей, спрашивал обо мне по моей убедительной просьбе и вероятно говорил что-то в мою пользу. Я хотела тогда же поговорить с тобой, но в тот же день заболела, не успев повидаться с тобой. Но я была до такой невероятной степени охвачена этим делом, этим проектом, что на другой день еще встала с постели на минутку, притворившись здоровой и призвав Акима Львовича — парламентаря, чтоб узнать ответ. Он сказал мне, что дело вообще шатко, п<отому> ч<то> недостает верных паев и что я должна скорее дать ответ, относительно того, на сколько я уверена, что достану свои 5 тысяч? От этого зависело все мое дело и до некоторой степени все дело. Я чувствовала, что окончательно разболеюсь и уже не в состоянии буду написать тебе даже две строчки, а тем более — вести с тобой такой серьезный разговор, мне было очень худо; я вообще не могла больше продолжать этого разговора, и подумав одну минуту, взвесив все безмерное счастье, которое от-

кывалось для меня этим случаем, и вспомнив все те случаи, когда ты говорил о своей готовности отдать все для счастья своих детей, я сказала в совершенно категорической форме: «Скажите от меня, что я ручаюсь за этот пай. Я готова поклясться, что мой отец не откажет мне в этом».

Это было последнее, что я сказала перед болезнью. Несколько дней потом я совсем не могла говорить и что-либо узнать об этом деле. Я заболела в это время совершенно случайно: в жизни бывают такие странные стечения случайностей, которые в художественном произведении показались бы неестественными. Я сказала за тебя свое необходимое решительное слово п<тому> ч<то> разболелась и чувствовала, что не должна упускать ни минуты, что через два часа не буду в состоянии как следует соображать и взвешивать. Мне показалось, что для тебя не оскорбительно будет если в такую минуту я решительно скажу, что безусловно уверена в твоей любви ко мне и в твоём желании счастья для меня. Потом я была больна, — серьезнее, чем ты думаешь: тебе не говорили, чтоб не беспокоить тебя. В болезни я все думала о том, как все будет хорошо, когда я буду пайщицей Северного Вестника и буду писать много и со всей страстью своей нелепой натуры. Эти мечты поддерживали во мне жизнерадостное настроение, я чувствовала себя способной совсем переродиться, стать живой, веселой, здоровой. У меня будет счастье и радость в жизни, и настоящая молодость, которой я почти не знаю. Я была терпеливой и послушной во время болезни, чтобы скорее выздороветь и сказать тебе о том, что я сделала без твоего ведома — на этот раз совершенно невольно. И к этому письму я должна бы готовиться постом и молитвой, и я пишу его кровью своего сердца.

Вчера я встала и сейчас же потребовала известий. Оказалось, что именно вчера подавалось уже прошение о перемене издательства и условие с Евреиновой устно только что было заключено. Мое решительное слово пошло делать свое дело: пайщики дают свои деньги уже в начале будущей недели, и если мой пай не будет представлен своевременно, мое серьезное решительное слово навлечет такой позор на мою голову, что мне кажется — я просто не переживу этого.

Я была в такой невероятной степени взволнована этим известием и необходимостью неотложного разговора с тобой об этом, что вчера не могла даже решиться на это письмо, сил совсем не было. Сегодня я пишу его, собрав все свои душевные и нервные силы. От твоего «да» или «нет» зависит вся моя жизнь. Не сердись, что я говорю тебе об всем этом только теперь: болезнь и то обстоятельство, что я так редко вижу тебя, виною тому, что я говорю тебе об этом теперь, когда

мое положение уже совершенно безвыходно как положение запутавшегося вконец должника.

Достать так скоро 5 тысяч трудно даже для человека с таким кредитом, как ты <sic>. Я знаю это, умоляю о прощении — но что же мне делать? Быть может, Пистоль-Корсы дадут, они живут на ренту.

Я еще решительно никому не говорила и не писала о том положении, в каком я нахожусь. Маме я напишу только тогда, когда получу твой ответ: зачем напрасно тревожить и мучить ее из-за меня. В болезни я тоже ничего ей не говорила обо всем этом. Я была оч^{ень} слаба, мне было очень трудно долго говорить о чем-либо и я боялась волноваться...

Папочка мой дорогой, сделай для меня это невероятно-огромное одолжение! Дай мне это счастье на всю жизнь. Дай мне радость, душевное удовлетворение и молодость. Я буду здоровая: ты двадцать раз спрашивал меня, что меня мучит, всегда предполагая что-нибудь личное; а меня мучит просто сознание того, что моя молодость, мои силы, мои способности не находят себе применения и что я не могу найти себя. Теперь я нашла себя, теперь я знаю, что мне нужно и так ярко и жгуче сознаю, что буду беспредельно счастлива, когда буду писать в волю и без униженья.

Весь этот год прошел у меня в самых пламенных мечтах о журнале, и теперь это счастье так невозможно близко — сейчас, сейчас я схвачусь за него руками. А с другой стороны — такой ужасный позор, если бы ты не мог исполнить моей просьбы. Папочка мой дорогой, это моя последняя серьезная просьба в жизни, и благодарность моя за нее превзойдет всякие пределы. Я сделаю тебе сотни уступок во всех отношениях. Я обещаю тебе честным словом вести такую правильную жизнь, какую никто не ведет в нашей семье, и никто среди окружающих.

Мне будет для чего беречь свою жизнь и свое здоровье. Хочешь ты, чтоб я одевалась красиво и была приличным общественным человеком — я и это сделаю для тебя. Я не могу придумать, какое из доказательств моей беспредельной благодарности я предложу тебе. У меня такие чудные планы на счет этого журнала, столько мыслей относительно того, что может и должен быть журнал, я убеждена, что все это нужно со временем провести и осуществить. Положение интеллигентной девушки, вроде меня, ужасно тяжело; трудно себе представить, как много фальшивого и грустного в жизни женщины моего поколения. Кто не переживал этого, тот этого не поймет; художественные произведения еще не касались моего поколения. Для

натур не совсем обыкновенных, не шаблонных жизнь еще в двадцать раз труднее. Для меня жизнь без напряженного любимого дела — не жизнь, а прозябание. Мне не нужны никакие блага, которых жаждут другие, мне нужна только возможность пройти <sic> в журнал и окрепнуть в этой атмосфере. Тогда я сумею сделать многое-многое. Мое будущее представляется мне лучезарным при этих условиях. Но только помоги мне на этот раз, простив, что я в критическую минуту сказала за тебя свое слово. Я умоляю тебя на коленях, как никогда никого ни о чем не буду умолять. Не упрекай меня; будучи невольной виноватой, я так ужасно боюсь твоих упреков, как если бы сделала худое безнравственное дело. Я тебе сказала в этом письме все, что копилось в моей душе давно и все, что я пережила за эти две недели болезни. Что бы ты ни говорил мне теперь в упрек или в возражение, мне больше нечего будет сказать, и мне кажется, я умру от стыда и отчаяния, если мое слово, сказанное в серьезнейшую минуту лучшим представителям интеллигентной молодежи, окажется ложным.

Письмо это по своей неожиданности будет для тебя настоящим ударом. Ты занят теперь, теперь тебе некогда — все это я знаю. Но если бы я выходила замуж — ты нашел бы день, чтобы устроить мое счастье. А это для меня будет день такой же выдающийся, как день свадьбы для других. Эти 5 тысяч — то же, что мое приданое. Я никогда не пожелаю ничего другого, мне не нужно никаких благ, кроме этого. Если ты сделаешь это для меня, ты раз на всю жизнь обеспечишь мое счастье, мое положение, мое здоровье. Подари мне один день твоей жизни и эти 5 тысяч, — и через несколько дней ты совсем не узнаешь меня и ты будешь доволен мной. Папочка мой дорогой, последний раз умоляю тебя со слезами ради всего, что есть в мире святого: прости меня и подари мне эти 5 тысяч и мое счастье.

Твоя Люба.

---

¹ Позднее Л.Я. Гуревич вспоминала об этом времени: «Осенью 1884 г. я поступила на словесное отделение Бестужевских курсов. <...> работала я много, главным образом по истории, интерес к которой привил мне отец; билась над философскими вопросами, слушала физику и химию у Боргмана, Бутлерова и Менделеева, не умея направить любознательность по определенному руслу, — словом, металась и мучилась так, что физически и нервно совсем расшаталась, и у меня стал было развиваться туберкулез. После я уже никогда не была вполне здоровой» [6, с. 237].

² Имеются в виду публикации Л.Я. Гуревич, посвященные художнице Марии Константиновне Башкирцевой (1858–1884), — «Памяти М. Башкирцевой» (Новости и Биржевая газета. 1-е изд. 1887, 11 июля), «М.К. Башкирцева (Биографическо-психологический этюд)» (Русское богатство. 1888. № 2. С. 73–122). Гуревич перевела и опубликовала полученный от родственников художницы ее дневник (Северный вестник [далее: СВ]. 1892. № 1–12), впоследствии неоднократно переиздававшийся.

³ Яков Григорьевич Гуревич (1841–1906) — историк, педагог, благотворитель; с 1883 г. директор учебного заведения, получившего его имя — Гимназия и Реальное училище Гуревича; с 1890 г. редактор журнала «Русская школа».

⁴ О салоне А.А. Давыдовой и покупке журнала у А.И. Евреиновой см.: [9].

⁵ Об этой комбинации Гуревич рассказывала в недатированном письме Гинскому (приводим текст по черновику из архива Гуревич: РГАЛИ. Ф. 131. Оп. 1. Ед. хр. 43):

«Многоуважаемый Борис Борисович,

Аким Львович Ф. рассказал мне вчера о новой тактике г. Михайловского, который, по-видимому, не может помириться с мыслью о том, что новые свежее веяния выдвигают новых деятелей и что старые авторитеты рискуют оказаться заслоненными в глазах молодого поколения. Признаюсь, новые выкладки г. Михайловского против Флексера просто изумляют меня своей наглостью: ибо как назвать иначе клевету, которую можно изболтано беспристрастными свидетелями и которая изображает молодого писателя похваляющимся небывалым союзом с такой персоной, как г. Михайловский? Я надеюсь, что люди, знающие А.Л. Флексера не нуждаются ни в каких свидетельских показаниях для того, чтобы понять надлежащим образом какую роль играет он во всей этой истории. Зная его отвращение ко всякой лжи и интригам, я признаться могу только удивляться его долготерпению по отношению к г. Михайловскому. Он имеет полную возможность открыто изболтано М^{ихайловского} и т^{аким} образом пресечь всякий источник глупых двусмысленных пересудов на свой счет. Я могла бы в этом быть одним из свидетелей, потому что очень часто бывала в доме А.А. Давыдовой и все стадии отношений Флексера и Михайловского развертывались на моих глазах. Помню, как нельзя лучше, и всю историю из-за покупки «Северного Вестника». Разговоры Давыдовой и Флексера по поводу совместного участия Флексера и Михайловского в будущем «Северном Вестнике» происходили в моем присутствии. Сама Давыдова рассказывала мне самым детальным образом весь проект, по которому Флексер должен был бы назначен секретарем и жить при редакции. Затем, помню слова Давыдовой — о том переполохе, который произвела в кругу старых либералов статья Флексера по поводу Козлова. С этих пор г. Михайловский и К^{озлов} стали, по-видимому, опасаться Флексера, как литературного соперника, которого можно, пожалуй, пойти дальше их в искании правды и доискивании тех корней ее, которые не привлекли внимания людей прежних поколений нашего общества. Я не умею понять иначе тех опасений за слишком «метафизическое направление» Флексера, которые высказывались в моем присутствии и которые всегда казались мне весьма смешными и жалкими. Однако и после «истории с Михайловским» переговоры о покупке Северного Вестника не порвались, и Флексер, по-видимому, был нужным человеком для Михайловского и его партии, поэтому на него же хотели возложить поручение привлечь к делу одного денежного человека в Харькове (помню все детали этого дела и фамилию Фролов). Для этой цели Флексер должен был ехать в декабре в Харьков, где заодно мог похлопотать и о деле Успенского. Но Фролов отказался от этого, не желая портить подписки Северного Вестника разговорами о переходе его в новые руки. В феврале после окончательного разговора Флексера с Михайловским я слышала от Давыдовой, что Михайловский не может простить Флексеру того, что он отказался ехать в Харьков по делу о покупке Северного Вестника. [Вот то, что я знаю об отношении «обрыв текста»].

В письме упоминается заметка Вольнского «Проф. Козлов о Толстом» (СВ. 1891. № 1. С. 158–161), помещенная в номере сразу после его же статьи «Талант и «искра Божия» — о романе Михайловского «Карьера Оладушкина»» (Там же. С. 150–157), которую Михайловский счел оскорбительной.

⁶ Николай Иванович Ильин (1837–1907) — дядя Л.Я. Гуревич по матери, инженер-полковник, совладелец «Общества Московско-Рязанской железной дороги», был человеком состоятельным, в 1890-х гг. приобрел усадьбу Быково у И.В. Воронцова-Дашкова.

⁷ Главная контора «Северного вестника» в 1890 г. находилась на Большой Конюшенной, д. 8.

⁸ Петр Францевич Лесгафт (1837–1909) — биолог, анатом, антрополог, врач; общественный деятель; приват-доцент С.-Петербургского университета; организатор Высших научных курсов подготовки воспитательниц и руководительниц физического образования; после закрытия в 1905 г. (по причине неблагонадежности Лесгафта) курсы были преобразованы им в Высшую вольную школу.

⁹ Первая книга Л.Я. Гуревич «Переписка Спинозы» (СПб., 1891) — перевод с латинского, выполненный под руководством и при участии Волюнского.

¹⁰ Борис Борисович Глинский (1860–1925) — журналист, публицист, мемуарист; товарищ Волюнского по университету; «Северный вестник» был куплен в 1890 г. у А.М. Евреиновой тремя пайщиками (Глинским, Волюнским и Гуревич), Глинский в 1890–1891 гг. — редактор «Северного вестника», в 1891 г. вышел из журнала вследствие несогласия с гегемонией Волюнского в формировании редакционного «портфеля»; постоянный сотрудник журнала «Исторический вестник», с 1913 г. его редактор.

¹¹ Письма Л.Я. Гуревич (1887–1922) содержатся в архиве А.Л. Волюнского: РГАЛИ. Ф. 95. Оп. 2. Ед. хр. 4.

¹² Письма Л.Я. Гуревич к отцу (1884–1905), Я.Г. Гуревичу: РГАЛИ. Ф. 131. Оп. 3. Ед. хр. 77, 78. Упомянутое письмо см.: Приложение.

¹³ Обстоятельства покупки журнала на паях изложены Гуревич в записке «Переход “Северного Вестника” под издательскую фирму Глинского и заключение пайщицкого договора», см.: [7, с. 333–334]. Воодушевленная достигнутым, Гуревич писала пафосные письма Глинскому, в архиве сохранились два черновика, приводим текст в извлечениях:

«Милостивый Государь Борис Борисович,

Я просила А.Л. Ф<лексера> открыть мне возможность послужить по мере моих сил делу, которое возбуждает во мне самое глубокое и горячее сочувствие. Я бесконечно рада, что другие усилия убежденных людей восторжествовали над всеми препятствиями, и очень счастлива сознанием, что могу на деле присоединиться к свежему и смелому течению, пробившемуся среди пустынной равнины общественной жизни. Верю глубоко в прекрасное будущ<ее> нашего журнала. Деньги, которые должны поступить в общую кассу, с моей стороны могут быть доставлены Вам сегодня же. Так как я не здорова, Вы не откажетесь быть может зайти ко мне вместе с А<кимом> Л<ьвовичем> завтра в четыре часа дня или в воскрес<енье> 10 ½ утра. Но по этому поводу я должна еще высказать Вам одно соображение, которое, надеюсь, не смутит моих будущих товарищей. Не имея никаких других расчетов, кроме возможности быть полезной журналу, я хотела вручить свой пай в полное распоряжение А.Л. Ф<лексеру>, как человеку и деятелю, пользующемуся моим безусловным уважением и доверием и хорошо знакомому остальным пайщикам.

Мне лично соверш<енно> безразлично, будет ли записан мой пай на мое имя или на его имя, и я поступила бы так, как это показалось бы удобнее Вам и Вашим товарищам. Но сам Аким Львов. Ф<лексер> решительно настаивает на том, чтобы пай был записан на мое имя, а ему был передан только голос при совещаниях. Я сделала оговорку относительно этого пункта в самом договоре, поставив имя А.Л. Ф<лексера> рядом со своим. Если бы это было нужно, я могу присоединить к этому особую доверенность. Вообще дело не станет за какой угодно формальностью, п<отому> ч<то> я достаточно знаю А.Л. Флексера и могу сказать с полной уверенностью, что между мною и им никогда не мож<ет> возникнуть никаких принципиальных разногласий в делах журнала.

Затем позвольте сказ<ать> Вам еще неск<олько> слов по поводу нашего завтр<ашнего> разговора. Зайдя ко мне, Вы, вероятно, застанете и моего отца. Я считаю нужным предупредить Вас на всякий случай, что получая от него деньги на мой пай, я окажусь, б<ыть> м<ожет>, не вполне солидарной с ним по некоторым вопросам... Отцы и дети! Вы не должны ни малейшим обр<азом> смущ<аться> этим, п<отому> ч<то> Вам предстоит иметь дело только со мной и А<кимом> Л<ьвовичем>. Деньги поступают в мое

полное распоряжение. Но я должна просить Вас, однако, иметь в виду все мною высказанное при нашем завтрашнем свидании и не касаться подробностей нашего дела, которые могли бы послужить предметом разговора между людьми, связанными живым общим интересом» (РГАЛИ. Ф. 131. Оп. 1. Ед. хр. 43).

¹⁴ Александр Александрович Бубнов — присяжный поверенный Санкт-Петербургской палаты; его письма (5) к Л.Я. Гуревич (1891–1892) о результатах переговоров с Анной Александровной Глинской см.: ИРЛИ. № 19825.

¹⁵ Далее две страницы чистые (Л. 10–10 об.).

¹⁶ «Договор между пайщиками журнала “Северный вестник” от 2-го апреля 1891 года на передачу журнала в собственность Л.Я. Гуревич» опублик.: [7, с. 323–327].

¹⁷ Барон Гораций Осипович Гинцбург (1833–1909) — владелец одного из самых могущественных в Петербурге в 1860–1880-е гг. банковских домов «И.Е. Гинцбург», купец второй гильдии, меценат, благотворитель, общественный деятель; см.: [1, с. 51–98].

¹⁸ Усова — неустановленное лицо, вероятно, родственница Л.Е. Усова, см. примеч. 41.

¹⁹ Михаил Александрович Лозино-Лозинский (Любич-Ярмолович; 1865–1921) — юрист; в 1914–1917 гг. пермский губернатор, см.: Энциклопедия Пермской области <http://www.perm1.ru/perm/wTQHDKcXic/info.html>.

Приводим ультимативное письмо Лозино-Лозинского в редакционный комитет журнала от 9 апреля 1892 г. (ИРЛИ. № 19978), которое как нельзя лучше характеризует автора и редакционную атмосферу:

«В редакционный комитет Северного вестник для представления Общему Собранию пайщиков.

Принимая во внимание

1) что по договору Л.Я. Гуревич принадлежат права издательства, а редакционные обязанности возложены на редакционный комитет, которого я состою членом, —

2) что без моего участия и ведома Л.Я. Гуревич приняла на себя данное ей ответственным редактором М.Н. Альбовым полномочие вести редакционную переписку, т. е. представлять перед третьими лицами редакцию журнала, —

3) что ни М.Н. Альбов, без согласия членов редакционного комитета, такого полномочия Л.Я. Гуревич не имел права давать, ни Л.Я. Гуревич, в силу своих обязательств перед пайщиками, по договору, не имела права принимать, —

4) что несмотря на мои словесные представления, Л.Я. Гуревич не отказалась от своего желания вести от своего имени редакционную переписку по всякого рода письмам сотрудников и

5) что такими действиями издательницы договор пайщиков, а в частности, права мои, как члена редакционного комитета, я признаю нарушенными:

Я нижеподписавший имею честь просить общее собрание пайщиков Северного вестника об освобождении меня от обязанностей члена редакционного комитета.

Михаил Лозинский».

История взаимоотношений с Лозинским и его притязаний на место секретаря журнала изложены Гуревич в «Объяснении...»: [7, с. 357–358].

²⁰ М.Н. Альбов с 1894 г. большую часть года проводил в Полтаве в семье доктора Е.В. Святловского, периодически посылая Гуревич и Волынскому рекомендации по содержанию портфеля беллетристического отдела, в 1897–1901 гг. постоянно жил в Полтаве.

²¹ Об этом эпизоде биографии Волынского известно немного. На одном из его писем (не датировано) Гуревич сверху сделала помету: «1892» и примечание на отдельном листе: «А.Л. Волынский разводился в это время со своей женой, Т. Угер» (РГАЛИ. Ф. 131. Оп. 1. Ед. хр. 106. Л. 43). От брака с Темой Угер у него родился сын, который умер в младенчестве, и дочь Мэри (Мэри Акимовна, в замужестве Зеликина; 1887–1953).

²² Александр Аркадьевич Кауфман (1864–1919) — экономист, юрист, автор работ по вопросам землепользования и землевладения Сибири, аграрным и переселенческим проблемам. В автобиографии, посланной С.А. Венгерову, Кауфман вспоминал (от третьего лица) о своей курьезной причастности к журналу в период «двоевластия»: «К тому же приблизительно времени относится участие К<ауфмана> в одной литературной комбинации — в коллективном издательстве “Северного вестника”. Эпизод этот, активные роли в котором играли, с одной стороны, Б.Б. Глинский, с другой — А.Л. Вольнский и Л.Я. Гуревич, по отношению к К<ауфману>, как и к некоторым другим “пайщикам” этого печального предприятия, носил почти комический характер: в дело К<ауфман> вошел почти исключительно из “товарищества” с Глинским, без ясного понимания общественно-политических задач такого дела, как журнал, без всякой осведомленности в журнальной технике, и дело очень скоро кончилось распадением данной комбинации и потерей пая» (ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. Ед. хр. 1747. Л. 10).

²³ Митрофан Иванович Свешников; в архиве Л.Я. Гуревич содержатся пять его писем 1891 г.: ИРЛИ. № 20076.

²⁴ Имеется в виду Н.И. Ильин, см. примеч. 5.

²⁵ Возможно, меценат Август фон Пистолькорс, жена которого Эмилия Натали Пистолькорс (урожд. Гарднер) была приемной дочерью барона А.Л. Штиглица, одного из крупнейших российских финансистов, и унаследовала все его гигантское по тем временам состояние; подробнее см.: [1, с. 31]. Пистолькорсы принадлежали к старинной дворянской семье, владевшей домами в Павловске.

²⁶ Имеются в виду документы — «Объяснение издательницы “Северного Вестника” Л.Я. Гуревич по делу о неправильных притязаниях, предъявленных к ней пайщиками: А. Глинской, М. Свешниковым, М. Лозинским, А. Кауфманом и С. Крассовским на общем пайщицком собрании 5 декабря 1891 года» и «Приговор третейского суда»; опубли.: [7, с. 330–390].

²⁷ Владимир Данилович Спасович (1829–1906) — правовед, адвокат, публицист, историк польской культуры и общественной жизни; выступал защитником Гуревич в третейском суде с пайщиками.

²⁸ Имеется в виду документ, датированный 22 декабря 1891 г.: «Соглашения издательницы журнала “Северный Вестник” Л.Я. Гуревич с бывшими пайщиками журнала: Глинской Анной Александровной, Любич-Ярмолович-Лозино-Лозинским Михаилом Александровичем, Кауфманом Александром Аркадьевичем, Свешниковым Митрофаном Ивановичем»: РГАЛИ. Ф. 131. Оп. 1. Ед. хр. 232.

²⁹ Банк Общества Взаимного кредита.

³⁰ Василий Андреевич Чацкий — инженер, служил в Обществе распространения коммерческих знаний (Весь Петербург на 1897 г. Адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. СПб.: Изд-е А.С. Суворина); по-видимому, друг семьи Гуревич, сохранились письма (71) Л.Я. Гуревич к Чацкину за 1896–1898 гг., которые позволяют проследить историю их деловых отношений в период издания журнала: ИРЛИ. № 19888.

³¹ Анатолий Федорович Кони (1844–1927) — юрист, литератор, мемуарист, общественный деятель. Очевидно, речь идет о состоявшемся в марте 1878 г. суде над Верой Засулич, 31 марта судом присяжных под председательством А.Ф. Кони ей был вынесен оправдательный приговор.

³² 12 июня 1892 г. А.Ф. Кони, находившийся на лечении в Кисловодске, отвечал на письмо Гуревич: «Благодарю Вас за все доброе, что в нем высказано — и за известие о том, что Ваши отношения с Я<ковом> Г<ригорьевичем> стали лучше. Вам столько приходилось тревожиться и выстрадывать на тернистом поприще журналистики, что нельзя не радоваться, что личный элемент для порешения душевного равновесия устранялся» (ИРЛИ. № 19946. Л. 5).

³³ Возможно, Николай Николаевич Коншин (1833–1918) — купец первой гильдии, промышленник, основатель торгового дома «Николай Коншин и сыновья» и «Товари-

щества мануфактур Н.Н. Коншина в г. Серпухов», общественный деятель, благотворитель.

³⁴ Подробно см.: [9, с. 22]; см. также: [2].

³⁵ В архиве Гуревич сохранилась нотариально заверенная копия долгового обязательства на имя потомственного почетного гражданина Петра Емельяновича Платицина на сумму 3.000 рублей серебром без процентов: ИРЛИ. № 20242. Л. 22.

³⁶ Сергей — вероятно, родственник Гуревич по материнской линии. См. о нем в письмах Сарры де Бувэ (Sarra de Beauvais) — парижской знакомой Гуревич (из круга О.Н. Смирновой, возможно, ее доверенное лицо). 6 сентября / 24 августа 1892 г. она писала из Парижа: «Теперь радуюсь за Сережу, что он увидит своих, рада и за них, но тяжело мне без меры — Сохрани его и помилуй Господь, от всякой беды» (ИРЛИ. № 20217. Л. 10).

³⁷ Григорий Яковлевич Гуревич-Ильин (1870–1947) — младший брат Л.Я. Гуревич, в 1894 г. окончил историко-филологический факультет Петербургского университета, в 1900 г. — Военно-медицинскую академию; впоследствии врач-терапевт, профессор, автор трудов по медицине.

³⁸ Возможно, Борис Наумович Кричевский (1866–1919) — публицист, З.Н. Гиппиус характеризовала его: «будущий оппонент Дм<итрия>, соц. демократ, еврей, буд-то бы философ» [5, с. 168].

³⁹ Григорий Самойлович Вольтке (псевд.: Л. Владимиров, Г. Самойлович; 1864–?) по окончании в 1885 г. со степенью кандидата естественного отделения физико-математического факультета Новороссийского университета продолжил образование на юридическом факультете Петербургского университета, в 1889 г. получил степень кандидата права; с 1890 г. — присяжный поверенный Санкт-Петербургской Судебной палаты. Печатался с 1887 г. (газ. «Одесские новости», «Новости» (СПб.), журнал «Восход», сборники «Нивы», «Северный вестник», «Север», «Русская школа», «Журнал Юридического общества» и др.; позднее в «Речи», журн. «Нива», «Еврейский мир», «Современный мир», «Право» и др.). Сведения взяты из автобиографии Вольтке: ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. Ед. хр. 942.

⁴⁰ Михаил Петрович Соловьев (1841–1901) возглавлял Главное управление по делам печати МВД в 1896–1901 гг.; в годы его управления были приостановлены многие органы печати.

⁴¹ В архиве Л.Я. Гуревич сохранились пачки векселей, полученных от Н.И. Ильина, С.А. Розалион-Сошальской, П.Е. Платицина, Л.Л. Мейера; И.Е. Мандельштама, А.П. Субботина, Л.Е. Усова: ИРЛИ. № 20242; РГАЛИ. Ф. 131. Оп. 1. Ед. хр. 229.

⁴² В письме к Э.И. Мешингу от 20 августа 1898 г. Гуревич вспоминала об этой поездке (она отправилась в Наугейм): «Я решилась поехать за границу на деньги отца, хотя это было мне при тех условиях уже совершенно невыносимо, — я знала, что если не поправлю здоровья, то не спасу и журнала. В то же время нужно было решить вопрос о летней книжке. Я знала, что если прекращу журнал тогда же, за лето выйдет скандал, который помешает мне осенью вновь устроить дело. Я пошла на очень рискованную вещь (без большого риска ничего большого сделать нельзя): я знала, что летом будет полугодовая подписка, и на эту полугодовую подписку я решила издать книжку. Риск был очень серьезный: принимая при этих условиях полугодовую подписку, я *вновь обязуюсь* перед всеми подписчиками довести журнал до конца года, — иначе это прямое воровство, за которое меня вправе оскандалить, как самого легкомысленного человека, даже как безрассудного человека. Я пошла на этот риск. Шутявын выпустил мне двойную, июньско-июльскую книжку, которая к тому же, из-за смерти Коссовича, две недели валялась в цензуре и вышла только в августе. Нужно еще прибавить, что она рассылалась понемногу, пока приходили еще полугодовые деньги, и что часть ее осталась не разосланной... Все это вызвало бесчисленные разговоры и буквально сотни писем в редакцию. Затем — появились печатные нападки, о кот<орых>, впрочем, я скажу ниже и которые влияют таким образом, что деньги совсем не приходят и со дня на день может разразиться скандал со стороны подписчиков. Печатать дальнейших книжек я,

конечно, никак не могу: у меня больше не может быть никакого кредита, мои векселя ничего не стоят и не могут учитываться. Мой личный кредит уже совсем исчерпан, до дна, до последней капли. Взять что-либо у отца, хотя бы 25 рублей, *я не могу*» (РГАЛИ. Ф. 131. Оп. 1. Ед. хр. 56).

⁴³ В архиве Гуревич сохранились 11 векселей вдовы коллежского асессора Софии Александровны Розалион-Социальной стоимостью 1000 рублей серебром: ИРЛИ. № 20242; а также 4 ее письма к Гуревич (1894–1895): РГАЛИ. Ф. 131. Оп. 1. Ед. хр. 171.

⁴⁴ Городок Харьковской губернии; ныне крупный железнодорожный центр Украины.

⁴⁵ Имеется в виду заметка Гуревич и Волынского «Идеализм и буржуазность», напечатанная в январской книжке «Северного вестника» за 1896 г.; подробнее об этом см.: [9].

⁴⁶ Речь идет о происшествии в редакции «Северного вестника» 5 февраля 1896 г., имевшем громкий общественный резонанс — оскорблении, нанесенном Л.Я. Гуревич Николаем Николаевичем Шелгуновым, сыном видного революционера, литературного критика и публициста Н.В. Шелгунова. Г.Я. Гуревич (брат) намеревался вызвать Шелгунова на дуэль, но она категорически воспрепятствовала его намерению. 17 февраля 1896 г. Суворин записал в дневнике: «В “Северном Вестнике” печатает Тучкова-Огарева свои воспоминания. В февральской книжке, стр. 87–89, она рассказывает о Ш. (Шелгуновой), которая бросила мужа, сошлась с С.С. (Серно-Соловьевич), от которого родила сына, и этого сына отправила к мужу, потом и С.С. посадила в дом умалишенных. Шелгунова названа буквою Ш., Серно-Соловьевич — С.С., но в выноске — полной фамилией, а потом и титле, стр. 88, тоже полной фамилией. Сама Шелгунова умна, сын ее тоже умел. Он пошел к Л.Я. Гуревич, резко объяснился с ней и плюнул ей в лицо» [12, с. 205]. 2 марта в «Новом времени» (1896. № 7187. С. 3) было напечатано письмо Л. Гуревич с подробным рассказом о происшествии, получившим нежелательную огласку. Поступок Шелгунова-младшего был воспринят ею не с позиции собственной ошибки, нарушения этики, а исключительно в контексте литературной ситуации — в свете борьбы «модернистов» и либералов-народников. Подробно см.: [8]. В послании к Чацкину 23 февраля 1896 г. Гуревич писала: «Как я и думала, моя история попадет в газету. Это безымянное известие перейдет в другие места...

Дело не в том, что это говорят и рассказывают, но в том, что они мне рассказывают неправду, и этим подрывают мой авторитет перед всеми незнающими меня людьми, делая из меня *непорядочного человека*. <...> Если б я думала, что для журнала мое молчание будет полезно, я бы осталась неподвижной, — какой Вы меня видели до сих пор. Но я Вам скажу откровенно все, что думаю об этом по отношению к журналу. Толстой писал мне, что очень жалеет, что нельзя оглашать эту историю в ее целом. Его сочувствие всецело на моей стороне. Я уверена, что если я расскажу печатно в *Сев<ерном> В<естнике>* в коротких, твердых и правдивых словах историю и передам те основания, те принципы, по которым я считаю нелепым всякие дуэли, Толстой напишет по этому поводу сам где-нибудь в распространенном месте, и это раз навсегда удалит с моего поведения и с чести журнала всякое пятно и даже привлечет сочувствие. Неужели лучше, чтобы сотрудники, знакомые и мало знакомые, но полезные журналу люди, думали, что я замалчиваю этот вопрос как виноватая?..

Я убеждена глубоко, что лучшее и наиболее полезное, что я могу сделать — громко, просто и кратко рассказать, как было дело. <...> Никто не понимает моего молчания в том смысле, что я молчу, как *правый человек*, все думаю, что я виновата, т.е. что я сделала какую-то гадость в полемическом увлечении. <...> разве не полезно будет высказать правду так, чтобы люди поняли, что я — не подлая женщина и не трусиха, прячущая в норку свое оплеванное лицо» (ИРЛИ. № 19888. Л. 2–2 об.).

⁴⁷ Роман Л.Я. Гуревич «Плоскогорье» впервые печатался в «Северном вестнике» (1896. № 9 – № 12; 1897. № 1 – № 4), ранее в журнале был напечатан пролог к роману под заглавием «Разлука» (СВ. 1895. № 9); отд. изд.: СПб.: Тип. М. Меркушева, 1897.

⁴⁸ Владимир Александрович Энгельгардт (1862–1912), с 10 декабря 1892 г. числен к МВД и откомандирован в Петербург; с 18 марта 1896 г. исполняющий должность цензора, с 10 апреля 1899 г. утвержден в должности. В письме Чацкину от 13/14 де-

кабря 1896 г. Гуревич рассказывала: «Новый начальник по делам печати — самодур, ретроград и отчаянный юдофоб, из таких, которые не могут говорить и писать о национальных вопросах иначе как с пеной у рта, буквально сделал Северный Вестник мишенью для своих придиорок. То, что в журнале писал Толстой, тоже оказалось в его глазах преступлением огромной важности. В результате, кроме самых некультурных по форме “нагоняев”, кот<орые> выпали на мою долю при личных объяснениях с начальством, я получила цензора — взяточника (это знают и цинически-откровенно говорят об этом в цензурном комитете) и пьяницу, который буквально не ведает, что творит. Вылетают невиннейшие статьи — ежемесячно очень много набору пропадает даром. И при этом никаких законов, никаких правил, с которыми можно было бы сообразоваться: более резкие вещи иногда им же подписываются. Авторы буквально выходят из себя, и я провожу в полубесплодной борьбе невозможное количество времени, необходимого для других обязанностей по журналу. Все эти обстоятельства достачтены для того, чтобы журнал в общем понизился в тех достоинствах, которые раньше имел, и ожидать улучшения в приходах было бы более чем неосновательно» (ИРЛИ. № 19888. Л. 39 об.-40).

Любопытный портрет М.П. Соловьева (см. примеч. 40) оставил В.В. Розанов: «Как человек он был кристально чист душой и как главноуправляющий по делам печати и вместе отличный юрист, — он в первые же месяцы, собрав все литографированное и отпечатанное за границу, что вышло из-под пера Л.Н. Толстого, приступил к составлению обширного доклада на Высочайшее имя, с заключением, что или законы Российской империи должны исполняться, и тогда Толстой должен быть предан суду... — или... “Но, конечно, законы должны исполняться”. <...> Доклад остался без последствий <...> в силу глубокого уважения, какое к гению Толстого имел Государь Александр III. Но и далее тот же Соловьев впервые ввел знаменитое “назначение редакторов” в газеты и через это буквально терроризировал печать. <...> Текущую литературу, “прессу” он всеми силами презирал ранее своего цензорства, — просто как “мелочь сравнительно с Данте и Петраркой”... <...> Горемыкин назначил М.П. Соловьева — юрисконсульта при канцелярии военного министерства на эту должность, лично он его не знал, за него попросили Победоносцев и Серг. Алекс. Рачинский, которому Соловьев страстный любитель Византии и Средневековья показал свои миниатюры Данте и Петрарки. Через него (Рачинского) состоялось знакомство с Победоносцевым и он тут же “назначил” Соловьева на должность за его взгляды (он ненавидел толстовство и всю современную печать)» (В. Варварин. К.П. Победоносцев в его переписке // Русское слово. 1907. № 285. 12 (25) дек. С. 2).

⁴⁹ Константин Льдов (наст. имя Витольд-Константин Николаевич Розенблюм; 1862–1937) — поэт и переводчик.

⁵⁰ Роман «Плоскогорье» вызвал многочисленные отклики в прессе, преимущественно положительные (в рецензиях отмечались и недоработки). В ноябре 1913 г. в письме к А.Г. Горнфельду Л.Я. Гуревич вспоминала: «В 90-ых годах я написала и издала роман, который долго, мучительно вынашивала, но который не было возможности писать во время издания “Североного” Вестника». Но не было возможности и не написать его, вопреки всем обстоятельствам. Известно то, что бывает с ребенком, который развивается и рождается в противоестественных условиях: вышел урод. Я даже не написала этот роман, а продиктовала его стенографистке, и таковы были обстоятельства (“Северный” Вестник) был накануне банкротства), что его пришлось пустить в печать без всякой обработки, с стенограммы. Этот урод мучил меня всю жизнь. Я чувствовала, что не стану в литературе сама собой, пока не исправлю сделанного. И недавно я стала работать над этой старою вещью» (ОР РНБ. Ф. 211. Ед. хр. 503).

⁵¹ См.: Прошение Гуревич к министру внутренних дел о снятии с журнала предварительной цензуры (4 апреля 1897 г.): РГАЛИ. Ф. 131. Оп. 2. Ед. хр. 315. Л. 88–91.

В письме к В.А. Чацкину от 22 мая 1897 г. Гуревич рассказывала: «...по совету председателя цензурного комитета, Коссовича (<примеч. внизу страницы:> который издавна ко мне мил и добр) стала изо всех сил хлопотать о снятии предварительной цензуры, чтобы можно было конкурировать с другими изданиями. <...> Опасности за-

крытия журнала я не предвижу, поэтому шесть лет бесед с цензорами дали опыт, да и живут же благополучно другие журналы, даже накопившие 2 предостережения. Добыть освобождения этого мне удалось лишь с великим трудом — путем непосредственного обращения к Министру Внутренних Дел, который был очень любезен и даже сильно повлиял на Главное Управление по делам печати, которое стало со мною очень любезно (объясняя мне добродушие Министра тем, что прежде свидания с ним подсылала к нему с разговорами обо мне разных знакомых, в том числе его дочь, с которой я познакомилась). Теперь бесцензурность получена, но вот тут-то все-таки есть “закавыка”, о которой я и говорила с Сергеем Матвеевичем. Дело в том, что от того времени, когда журнал преследовался не административным, а судебным порядком, остался неприятный, уже мертвый закон — о внесении издателем или за издателя кем-либо долга в 2.500 р. Я об этом заранее знала и говорила с делопроизводителем Главного Управления по делам печати — в том смысле, что нельзя ли от этого избавиться. Он объяснил, что избавиться нельзя, но что долг никогда ни для кого не представлял затруднения <...> и т. д. (ИРЛИ. № 19888. Л. 45–45 об.).

⁵² См. С. 133–134 наст. изд.

⁵³ Нафанаил Маркович Геренштейн (1855–?), автор брошюры «Народное образование» (СПб.: Тип. М. Меркушева, 1897), очевидно, знакомый отца Я.Г. Гуревича.

⁵⁴ Неустановленное лицо.

⁵⁵ Константин Льдов принимал горячее участие в журнальных заботах Гуревич, в рутинной конторской работе был фактически ее «правой рукой», вместе с нею просиживал в редакции до утра; сохранились его благодарные и влюбленные письма к ней, в которых он выражал восхищение ее самоотверженной преданностью журналу. Например, 13 апреля 1896 г. он писал ей: «Только что вернулся от Вас... Солнце так и сверкает. Раньше чем улечься, набрасываю несколько слов от полноты души. <...> пишу только затем, чтобы сказать Вам, что Вы — чудная и прелестная, и что я люблю Вас — и вовсе не как женщину... И даже, если надо сознаться вполне, “чуточку” даже и как женщину... Ведь это же все равно Вам, Вы не обижаетесь, что я люблю всякую красоту <...>» (ИРЛИ. № 19986. Л. 2–2 об.).

⁵⁶ Сарра де Буве. О произошедшем инциденте сведений не имеем.

⁵⁷ Предположительно (по инициалам), Сергей Иванович Ильин.

⁵⁸ Ср. запись в дневнике (осень 1898): «...последние 1 ½ года были особенно ужасны. А теперь еще ужаснее. Теперь, просто, буквально нечего есть, потому что Надя спрашивает: купить ли белого или черного хлеба на 4 копейки, которые у нее есть. Около 10 дней я не обедала и до того истощена, что в голове у меня вместо мозга какая-то холодная вода. Сегодня Аким Львович сказал, что наконец так невозможно, что должна я взять себе хоть 2 рубля из тех 200 руб., которые я достала таким отвратительным способом от Сергея» (Мне эти деньги отвратительны, — другим, может быть, ничего)» (РГАЛИ. Ф. 131. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 66).

⁵⁹ Троицкая улица с 1929 г. — ул. Рубинштейна) проходит от Невского проспекта до Звенигородского проспекта.

⁶⁰ Вероятно, Николай Васильевич Арефьев — немецкий корреспондент «Русского слова», «Голоса Москвы» и «России», автор книги «Русский путеводитель по Берлину» (Берлин, 1904). — Сообщено А.Л. Соболевым. В архиве Гуревич содержится папка с документами, относящимися к 1895 г., на приложенном к ним конверте рукой Гуревич: «Документы по вопросу о цензуре в Томске, данные Арефьевым на сохранение и пользование» (ИРЛИ. № 20245).

⁶¹ А.Ф. Кони, близко знавший Я.Г. Гуревича, 21 марта 1906 г. вскоре после его кончины писал Любови Яковлевне: «Я знал больше, чем многие, из его жизни и был не раз чтцом в его сердце, в котором ярко горела горячая, хотя подчас и ворчливая, но нежная и деликатная, трогательная по своим проявлениям любовь к Вам» (ИРЛИ. № 19946. Л. 16 об.–17).

Литература

1. *Ананьич Б.В.* Банкирские дома в России 1860–1914 гг. Очерки истории частного предпринимательства. М.: РОССПЭН, 2006. 296 с.
2. *Богомолов Н.А.* В Ясной Поляне 125 лет тому назад // Русская литература. 2018. № 3. С. 170–180.
3. *Волинский А.Л.* Русские женщины / предисл., коммент., публ. А.Л. Евстигнеевой // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб.: Atheneum, 1994. Вып. 17. С. 209–292.
4. *Гиппиус Зинаида.* Дневники: в 2 т. / вступ. ст. и сост. А.Н. Николукина. М.: Интелвак, 1999.
5. *Гиппиус-Мережковская З.Н.* Собрание сочинений. М.: Дмитрий Сечин, 2019. Т. 16 (дополнительный). Он и мы: Дмитрий Мережковский. Его жизнь, его работа / предисл., подгот. текста и коммент. Р.А. Городницкого и А.И. Серкова. 592 с.
6. *Гуревич Л.Я.* История «Северного вестника» // Русская литература XX века. М.: Мир, 1914. Т. I. С. 235–264.
7. *Молоствов Н.Г.* Борец за идеализм (А.Л. Волинский). 2-е изд. СПб.: Тип. П. Сойкина, 1903. 396 с.
8. *Павлова М.* «Этот пресловутый плевок в лицо...»: Из истории журнала Северный вестник // New Studies in Modern Russian Literature and Culture: Essays in Honor of Stanley J. Rabinowitz / ed. by Catherine Ciepela and Lazar Fleishman. Stanford, 2014. P. 117–137. (Stanford Slavic Studies. Vol. 45)
9. *Павлова М.М., Богомолов Н.А.* Из воспоминаний Л.Я. Гуревич о журнале «Северный вестник». Статья первая // Литературный факт. 2021. № 1 (19). С. 8–60. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-8-60>
10. Письма З.Н. Гиппиус к А.Л. Волинскому / публ. А.Л. Евстигнеевой и Н.К. Пушкаревой // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб.: Atheneum, 1993. Вып. 12. С. 274–341.
11. Русские Modernen – Зинаида Гиппиус и Николай Минский. (Из писем Любви Гуревич к Эдгару Мешингу) / вступ. ст. и коммент. М.М. Павловой и С. Рабиновича; подгот. текста М.М. Павловой и К.В. Яковлевой // Русская литература. 2010. № 2. С. 100–125.
12. *Суворин А.С.* Дневник / расшифровка текста Н.А. Роскиной; подгот. изд. Д. Рейфилда и О.Е. Макаровой. М.: Независимая газета, 1999. 670 с.
13. *Толстая Е.Д.* Бедный рыцарь: Интеллектуальное странствие Акима Волинского. М.: Мосты культуры, 2013. 632 с.
14. *Rabinowitz S.J.* A “Fairy Tale of Love”? The Relationship of Zinaida Gippius and Akim Volynsky (Unpublished Materials) // Oxford Slavonic Papers. New series. 1991. Vol. XXIV. P. 121–144.

Research Article and Publication of Archival Documents

From Lyubov Gurevich's Memoirs about the Journal “Severny Vestnik”. Part Two

© 2021. Margarita M. Pavlova

Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia

Appendix: Lyubov Gurevich. A letter to Yakov Gurevich
Alexander Sobolev's publication

Abstract: The journal “Severny Vestnik”, around which relatively young Petersburg writers — A. Volynsky, N. Minsky, D. Merezhkovsky and Z. Gippius, F. Sologub — were grouped in the last years of the 19th century, was of exceptional importance for the early stage of Russian Symbolism. The article continues the previously begun publication of new materials from the archive of the publisher (since 1891) of the “Severny Vestnik”, Lyubov Gurevich. Two documents from the funds of the RGALI and the Manuscript Division of the IRL RAS — “Lovely Memories” and a note on the reorganization of the journal (1897–1898) — are presented. They are a kind of factual basis and addition to her article “Symbolism of the 1890s and the journal ‘Severny Vestnik’” (presented in the first part of the publication: *Literaturnyi fakt*, no. 1 (19), 2021). Gurevich tells about the financial, organizational and censorship difficulties of keeping the journal and about complicated relationships in the circle of its authors and editors. The appendix contains Gurevich’s letter dated 1891 to her father where she admits that she is attracted by journalism and literary work “more than anything else”, and asks for financial help to buy out the collapsing journal and become the publisher of “Severny Vestnik” herself. Documents introduced into scientific circulation allow expanding the range of sources for studying the history of journalism and early Russian modernism.

Keywords: “Severny Vestnik”, Lyubov Gurevich, Russian literature around the turn of the 20th century, writer’s memoirs, archival materials.

Information about the author: Margarita M. Pavlova, DSc in Philology, Leading Research Fellow, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarov Emb., 4, 199034 St. Petersburg, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0500-6113>. E-mail: mmpavlova@gmail.com.

For citation: Pavlova, M.M “From Lyubov Gurevich’s Memoirs about the Journal ‘Severny Vestnik’. Part Two.” *Literaturnyi fakt*, no. 3 (21), 2021, pp. 108–154. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-21-108-154>

References

1. Anan'ich, B.V. *Bankirskie doma v Rossii 1860–1914 gg. Ocherki istorii chastnogo predprinimatel'stva* [Banking Houses in Russia in 1860–1914. Essays on the History of Private Entrepreneurship]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2006. 296 p. (In Russ.)
2. Bogomolov, N.A. “V Iasnoi Poliane 125 let tomu nazad” [“In Yasnaya Polyana 125 Years Ago”]. *Russkaia literatura*, no. 3, 2018, pp. 170–180. (In Russ.)
3. Volynskii, A.L. “Russkie zhenshchiny” [“Russian Women”], introd., comm., publ. by A.L. Evstigneeva. *Minvshee: Istoricheskii al'manakh* [The Past: Historical Almanac], issue 17. Moscow, St. Petersburg, Atheneum Publ., 1994, pp. 209–292. (In Russ.)
4. Gippius, Zinaida. *Dnevnik: v 2 t.* [Diaries: in 2 vols.], introd. and comp. by A.N. Nikoluiukin. Moscow, Intelvak Publ., 1999. (In Russ.)
5. Gippius-Merezhkovskaia, Z.N. *Sobranie sochinenii* [Collected Works], vol. 16 (supplementary). On i my: Dmitrii Merezhkovskii. Ego Zhizn', ego Rabota [He and We: Dmitrii Merezhkovskii. His Life, his Work.], introd., text prep. and comm. by R.A. Gorodnitskii and A.I. Serkov. Moscow, Dmitrii Sechin Publ., 2019. 592 p. (In Russ.)
6. Gurevich, L.Ia. “Istoriia ‘Severnogo vestnika’.” [“History of ‘Severny Vestnik’.”]. *Russkaia literatura XX veka* [Russian Literature of the 20th Century], vol. I. Moscow, Mir Publ., 1914, pp. 235–264. (In Russ.)
7. Molostvov, N.G. *Borets za idealizm (A.L. Volynskii)* [Fighter for Idealism (A.L. Volynsky)]. 2nd ed. St. Petersburg, Tip. P. Soikina Publ., 1903. 396 p. (In Russ.)
8. Pavlova, M. “‘Etot preslovutyi plevok v litso...’: Iz istorii zhurnala Severnyi vestnik” [“‘This Notorious Spit in the Face...’: From the History of the Journal ‘Severny Vestnik’.”]. Ciepela, Catherine, and Lazar Fleishman, editors. *New Studies in Modern Russian Literature and Culture: Essays in Honor of Stanley J. Rabinowitz*. Stanford, 2014, pp. 117–137. (Stanford Slavic Studies, vol. 45). (In Russ.)
9. Pavlova, M.M., Bogomolov, N.A. “Iz vospominanii L.Ia. Gurevich o zhurnale ‘Severnyi vestnik’. Stat'ia pervaia” [“From Lyubov Gurevich’s Memoirs About the Journal ‘Severny Vestnik’. Part One”]. *Literaturnyi fakt*, no. 1 (19), 2021, pp. 8–60. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-8-60> (In Russ.)
10. “Pis'ma Z.N. Gippius k A.L. Volynskomu” [“Z.N. Gippius’ Letters to A.L. Volynsky”], publ. by A.L. Evstigneeva and N.K. Pushkareva. *Minvshee: Istoricheskii al'manakh* [The past. Historical Almanac], issue 12. Moscow, St. Petersburg, Atheneum Publ., 1993, pp. 274–341. (In Russ.)
11. “Russkie Modernen – Zinaida Gippius i Nikolai Minskii. (Iz pisem Liubovi Gurevich k Edgaru Meshingu)” [“Russian Modernen — Zinaida Giippius and Nikolai Minsky (From Lyubov Gurevich’s Letters to Edgar Mesching)”], introd. and comm. by M.M. Pavlova and S. Rabinovich, text prep. by M.M. Pavlova and K.V. Iakovleva. *Russkaia literatura*, no. 2, 2010, pp. 100–125. (In Russ.)
12. Suvorin, A.S. *Dnevnik* [Diary], decrypting by N.A. Roskina; ed. prep. by D. Reifild and O.E. Makarova. Moscow, Nezavisimaia gazeta Publ., 1999. 670 p. (In Russ.)

13. Tolstaia, E.D. *Bednyi rytsar': Intellektual'noe stranstvie Akima Volynskogo* [*The Poor Knight: The Intellectual Journey of Akim Volynsky*]. Moscow, Mosty kul'tury Publ., 2013. 632 p. (In Russ.)

14. Rabinowitz, S.J. "A 'Fairy Tale of Love'?: The Relationship of Zinaida Gippius and Akim Volynsky (Unpublished Materials)." *Oxford Slavonic Papers. New series*, vol. XXIV, 1991, pp. 121–144. (In English)

Статья поступила в редакцию: 15.12.2020

Одобрена после рецензирования: 25.02.2021

Дата публикации: 25.09.2021

The article was submitted: 15.12.2020

Approved after reviewing: 25.02.2021

Date of publication: 25.09.2021